

СМЕНА

Легкого шага, геологи!

СТИХИ И СУДЬБЫ

Капитан поджигает судно...

ТОРГОВЦЫ МЕДЛЕННОЙ СМЕРТЬЮ

№ 9 (887) М. А. Я

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

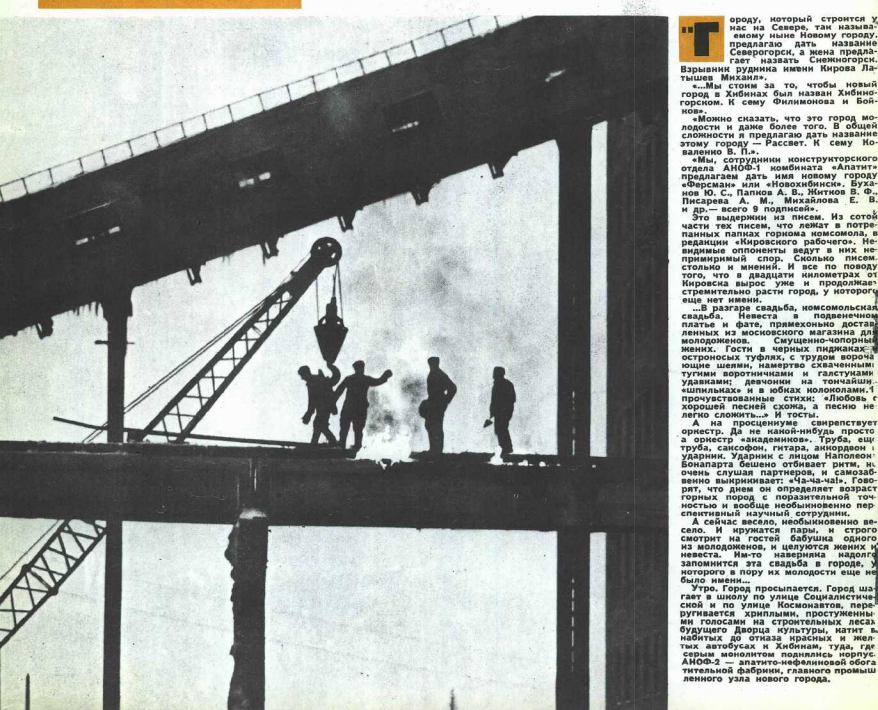
9 (887)

МАЙ
1964

В. НОВИКОВ,
С. ПЕТРУХИН,

специальные
корреспонденты
«Смены»

СПЕ

Город, который строится у нас на Севере, так называемому ныне Новому городу, предлагаем дать название Северогорск, а жена предлагает назвать Сиенногорск.

«Мы стоим за то, чтобы новый город в Хибинах был назван Хибиногорском. К сему Филимонова и Бойнов».

«Можно сказать, что это город молодости и даже более того. В общей сложности я предлагаю дать название этому городу — Рассвет. К сему Коваленко В. П.»

«Мы, сотрудники конструкторского отдела АНОФ-1 института «Алтай», предлагаем дать имя новому городу «Ферман» или Новозыбинск. Бураков Ю. С., Папков А. В., Житнов В. Ф., Писарева А. М., Михайлова Е. В. и др. — всего 3 подписав».

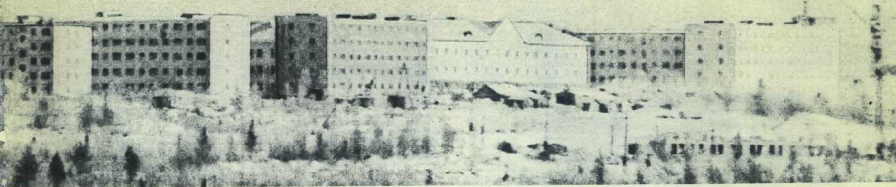
Это выдержки из писем. Из сотней подобных папках горкома комсомола, в редакции «Ирковского рабочего». Невидимые оппоненты ведут в них непринимый спор. Сколько писем, столько и вариантов. И все по поводу того, что в двадцати километрах от Кировска вырос уже и продолжает стремительно расти город, у которого еще нет имени.

— В разгаре свадьба, комсомольская, невеста в подвенечном платье и фате, прикомандован доставленных из москвитского магазина для молодоженов. Скудечно-чорнорядные гости в черных пиджаках: в остроносых туфлях, с трупом ворочающие шапки, намотано склянками, тугими воротничками и галстуками удавки; девочки на тонкашаш-шпильках и в юбках колонами; проучуствованные стихи: «Любовь — хорошая песня скомья, а песню не легко сложить...» И торты.

А на просцениуме сверкает оркестр. Да не какой-нибудь просто а оркестр «задачников». Труба, сакс-труба, саксофон, гитара, андронор и ударник. Ударник с лицом Наполеон; бонгакарта башмет; отбит ритм; очень слушая партнеров и самозабвенно выпрививает «Ма-ча-май». Говорят, что дием он определяет возраст горных пород с поразительной точностью и вообще необыкновенно перспективный научный сотрудник.

А сейчас весело, необыкновенно весело. И кружатся пары, и строго смотрит на гостей бабушка одного из молодоженов, и шепчут жених и невеста. Им-то наверняка народом запомнится эта свадьба в городе, у которого в пору их молодости еще не было имени...

Утро. Город просыпается. Город шагает в школу по улице Социалистической и по улице Комсомольской, переругивается хриплыми, простуженными голосами на строительных лесах будущего Дворца культуры, катит в будничных до отгаза красных и желтых автобусов Хибинам, туя, где серые монументы появились неруш АНОФ-2 — алтагит-нефелановой отбита фабрики, главного промышленного узла нового города.

О НАЗВАНИИ

ПО НОВЫМ ГОРОДАМ

ИЗЖИВАЮТ

Чем заполнить свободное время школьников, особенно подростков? Эта проблема волнует и родителей, и педагогов, и комсомольских работников. В Горьком «проблему свободного времени» успешно решают. Мы предоставляем слово самим горьковчанам. Они расскажут о своем интересном опыте.

ИЗЖИВАЮТ

Александр НОВИКОВ,

первый секретарь
Горьковского горкома комсомола

На этот матч хоккеисты с улицы Тургенева вышли, уже проигрывая две шайбы. Их еще до начала игры забил в свои ворота Мишка из дома № 2. Не удивляйтесь, все объясняется очень просто: каждая двойка в дневнике участника соревнований — штрафные матчи, свистки, шайбы и очки. Это правило действует на всех спартакиадах дворовых команд школьников города Горького. Двоечника к ним допускают, но вместе со своим неприятным «взростом». Результаты этого эксперимента налицо. Взять хотя бы того же Мишку. Он старался тогда изо всех сил, но отыграл две шайбы так и не удалось. Команда с улицы Тургенева потерпела поражение и в то же время осталась в выигрыше к следующему матчу Мишка игрался свои отмазки.

Спартакиады дворовых команд — лишь один из видов работы Горьковской городской комсомольской организации с подростками по месту жительства. Программой для нас стали слова Никиты Сергеевича Хрущева: «Нужно, чтобы наши комсомольские руководители следили, чем занимаются дети на улице, и организовали их досуг».

«Никакой Дворец пионеров не может охватить всех детей. Посудите сами: закончил ребенок уроки готовится, выскочил из дома. А где он ходит? Тут же, около дома. Вот здесь и нужно организовать ему такую обстановку, чтобы он вместе с товарищами мог бы веселиться. Я бы советовал город разбить на кварталы, чтобы там был вокзалчик, чтобы там зимой были катки, а летом — игровые площадки и другие виды развлечения...» Именно так мы и поступили.

Весом годик был разбит на микрорайоны, в которых начали действовать комсомольско-молодежные штабы и родительские советы, а к каждому жилому двору прикрепляли одну из первичных комсомольских организаций.

Для спортивных площадок нашлось место почти во всех дворах, даже в тех, что загромождены частные сараи и гаражи. Только в одном Автозаводском районе комсомольцы снесли 1 500 сараев и гаражей.

К открытию зимнего сезона 1963/64 года по инициативе комсомольских штабов было залито около 600 простейших катков, хоккейных площадок и конькобежных дорожек, построено 800 детских ледяных горок.

В живописных пригородных зонах отдыха на Шенюковом озере, Мещерском озере, в Стригинском Бору, Соринском парке были отведены места для лыжных прогулок, тренировок и соревнований. Впервые в этом году 16 магнитофонных спорткульттоваров открыли прокатные пункты. Некото-

рые из них по субботам и воскресеньям специально выезжают в загородные зоны отдыха.

На всех спортивных сооружениях города, от простейшей площадки до крупнейшей спортбазы, созданы команды школьников, с которыми работают активисты, направленные комитетами комсомола. Все они прошли подготовку на курсах, семинарах, в школах общественных профессий и университетах культуры. По комсомольским путевкам 45 молодых автозаводцев направлены общештабными тренирами по хоккею, футболу, волейболу, настольному теннису и турнику. Среди них станичник Виталий Самойлов, слесари-сборщики Роберт Сахаровский и Борис Валетов. Работают на дворовых площадках и известные тренеры: заслуженный мастер спорта Г. Пискунов, заслуженный тренер республики Ю. Казданкин, мастера спорта Ю. Крупин, Н. Баталин, П. Шигалов, Г. Юдин и другие.

На всю страну программа слава о познавательном празднике «Малых олимпийских играх». Здесь не было зрителей, все гости орджоникидцеве тринили участие в массовых играх и соревнованиях.

Хочется упомянуть еще и о дворовых детских клубах, для которых выделены специальные помещения в жилых домах. В настоящее время в городе работает 256 таких клубов. При них созданы кружки художественной самодеятельности, проводятся встречи с интересными людьми, организуя спортивные соревнования, туристские походы.

Большие планы разработаны у нас к лету. Будем проводить «Малые олимпийские игры» по летним видам спорта среди дворовых команд. Комитеты комсомола шефствующих предприятий направляют в детские команды своих активистов, спортсменов. Силами молодежи при доустройстве города создадим 300 новых спортивных и игровых площадок. Кроме того, подростки смогут заниматься на всех стадионах.

Горьком комсомола совместно с редакцией газеты «Горьковский рабочий» проведет спортконкурс на лучшую спортивную и игровую площадку при доустройстве. На Оке и Волге оборудуют 13 детских купален.

Вряд ли нужно доказывать, что один из лучших видов отдыха — туризм. Любителей пеших и велопоходов у нас очень много. Для них в районах области создано 50 школьных туристских палаточных лагерей.

Для так называемых трудновоспитуемых детей будут организованы свои пионерские лагеря, футбольные команды, спортивные площадки. Эти ребята в течение всего лета будут находиться под особым контролем комсомольцев.

Наша задача — вовлечь всех ребят в интересные и полезные дела, растить их смелыми, физически выносливыми. И в этой работе основное внимание будет уделено спорту. В нем мы видим своего лучшего помощника и воспитателя.

Мы уверены в том, что каждый день предстоящего лета будет проведен горьковскими ребятами весело, содержательно, интересно.

Петр САЗОНОВ,

заместитель председателя родительского комитета поселка Орджоникиды

Именно мы стали виновниками того, что первые олимпийские веси пришли не из Иннсбрука, а из Горького. По решению родительского комитета в поселке были проведены соревнования, посвященные зимней олимпиаде. «Малые олимпийские игры» — так назвали свои соревнования ребята. И действительно, все было по-настоящему: зная с пятого перевернутыми олимпийскими кольцами, зажженным факелом, награды победителям...

Большая Олимпиада в Иннсбруке уже стала достоянием истории, но олимпийский год продолжается. И мы уже думаем о лете, готовимся к нему. Ребят ожидает много интересных дел и соревнований. Начнем, конечно, с футбола, а потом будем проводить соревнования по волейболу, баскетболу, ринному мячу, городкам. Своей спорту на стадионах поселка Орджоникиды будут вест юные легкоатлеты, гимнасты, велосипедисты. И тогда исчезнет вопрос, над которым вот уже несколько лет ломает себе голову и родители и воспитатели, — чем занять ребят. Вовлечь всех мальчишек и девчонок в спортивные секции — наша основная задача на лето. И еще: мы собираемся в тот день, когда в Токио вспыхнет олимпийский факел, дать старт своей поселковой летней олимпиаде.

Геннадий БОРШНЯКОВ,

мастер спорта, нештатный тренер клуба имени Гагарина Приокского района

Моей спортивной специальностью является бокс. Когда-то выступал сам, теперь тренирую. Раньше, признаться, я не обращал внимания на мальчишек, которые живут рядом. И, как оказалось, совершенно напрасно. Это я понял позже, когда меня попросили помочь в организации спортивной работы во вновь созданном клубе имени Гагарина по улице Велинского. Сейчас у нас много спортивных секций, а когда-то все вышло с пустыря. Теперь там по всем правилам стадион с хоккейной площадкой.

В нашем клубе большие планы на лето. Уже закупили футбольную форму ребятам, начинаем приводить в порядок летние площадки. Думаем установить четыре теннисных стола. А туристы — этот неугомонный народ — уже чертят маршруты своих будущих походов.

РОВНАЯ ДОРОГА

РАССКАЗ

Вырос на юге, в краю, где солнце может сделать из человека голоешку и где арбузы лежат у дороги, как камни. В детстве мать мне часто называла спину простоквашей, приговаривая:

— Дым от тебя идет, Шура. Опять с солнцем шутить.

Я и не думал шутить с солнцем. Я к нему относился с почтением. Выползет огромный и плывет медленно, будто не смеялся. А вокруг ровная степь. Деревца не найдешь, чтобы спрятаться. На небе ни облачка.

— Когда я получила права шофера, а вместе с ними полторку, солнце мне особых неприятностей не доставляло.

Работа у меня была однообразная, но я был доволен. Наш край славился помидорами, и особенно наш совхоз. Мы кормили помидорами чуть ли не всю страну. Вот я и возил помидоры либо на станцию, либо на аэродром.

Я любил ездить на аэродром. Когда я подвезжал к самолету, ребята кричали мне:

— Красненьких привез!

— Голубынки в желтенькую полосочку.

Ребята всегда здорово хохотали, а потом говорили мне:

— Давай помогал разгрузить, Шура.

— А это уж не мое дело, — отвечал я и уходил с поля прямо в буфет к Антонине.

Когда я появлялся в дверях, она непременно спрашивала меня:

— Шура, ты уважашь ливо со сметаной?

Потом она закрывала буфет и вешала дочечку: «Перерыв».

И мы усаживались с ней где-нибудь в тени. Она заботливо поправляла на мне ворот рубашки или доставала из кармана халата сломяную расческу и причешивала мне волосы.

Меня все это раздражало. И потом хотелось посидеть молча, а она говорила без умолку своим нетерпеливым, низким и ленивым голосом.

— Шура, ты любишь смотреть сны! — говорила мне.

— Сно, как убийцй.

— А я сны смотрю, точно в кино лужу. И особо люблю сны-ассорти.

Я понимал плечами, а она удивленно приподнимала брови.

— Не понимаешь? Ну вот, когда я конфеты отпускаю: сто граммов «Мишек» носовалку, сто граммов «Счастливого детства» и сто граммов «Дюймовочки» — это ассорти называется. Так и сны я люблю разные смотреть. Теперь понимаешь?

Я слушал и ждал, когда ребята крикнут:

— Эй, забери свою полторку из-под голубынки!

— Ну, мне пора, — говорил я Антонине и торопливо прощаясь. И всегда, когда я бывал на аэродроме, то обязательно заходил и к ней.

Но вскоре она перестала вешать дочечку «Перерыв»: видно, решила, что не стоит тратить на меня время.

Стоит важная, пухлая, в белом халате и смотрит на меня своими вытумленными глазами, словно хочет сказать: «А ведь не выйдет из тебя, Шура, мужак». Как-то ко мне за столиком подсел механик Шелестов. И Антонина спросила его:

— Петя, ты уважашь ливо со сметаной?

И мне вдруг стало до того скучно, что даже зубы заныли. Я решил больше не заходить к Антонине.

...В тот день с аэродром со мной ехал наш совхозный агроном Михаил Громов. Маленький, лысый, в кирзовых сапогах, пиджак большой, не по размеру, а очки красиво, в роговой оправе.

На аэродроме у него всегда были дела. Он говорил: «Авация — мой друг». Когда опалили посевы, то он непременно просился в самолет: боялся, что могут сделать что-нибудь не так. И летчики добродушно посмеивались над ним: ну что тут контролировать: полетали над полем, посыпали порошком — и все.

Но у Михаила Матавевича был, так сказать, свой стиль работы. Он выражал помидоры не как все люди. Он ставил их на тычки, как виноград. Облохочешься! Чтобы помидоры на тычки! Но, правда, урожай был что надо. Наш совхоз самый первый отправлял помидоры во все концы страны.

Михаил Матавевич был у нас в совхозе самый деятельный человек, хотя говорил он мало и с виду казался даже равнодушным. Как-то наш директор назвал его человеком бесценным. С тех пор мы его по имени-отчеству перестали называть. Все друг у друга спрашивали: «Не видел Бесценного?», «где Бесценный?».

А люди чужие думали, что такая у него фамилия, и называли его товарищ Бесценный.

И вот сейчас он сидел со мной в кабине и молчал. И мне даже казалось, что он нечет дрочать. Он все время жася к двери, словно собирался еще кого-то посадить между нами. И вдруг говорит:

— Жалко мне тебя, Шура.

Я так обалдел, что и слова не смог вымолвить. Только весь напряжился.

— Как ты живешь, Шура?

— Обыкновенно, — отвечаю.

— Ты живешь в два раза хуже, чем обыкновенно.

— Чем же хуже?

— Смотрю я, как ты помидоры привозишь на аэродром, потом с Антониной лисы точишь, а вечерами прожигиваешься по совхозу в новой рубашке. И вид у тебя такой, точно ты хочешь спросить каждого: «Да что ж мне делать, товарищи, да куда мне себя деть, милый?»

Я засмеемся. Оказывается, он за мной наблюдает. А я его вечером никогда на улице и не примечал.

— А вы по мне не тоскуете, Михаил Матавевич, не ваша ведь это жизнь.

— А он будто и не спшит меня.

— Так, Шурка, смолоду не живут.

— Но вы, — говорю, — тоже не сплутник запускаете, а всего-навсего помидоры выращиваете. Зря, конечно, я так сказал, просто мне разозлило, что Бесценный лезет в мою жизнь.

Он не обиделся на меня, в только сказал тихо и устало, словно ему уже нескушно мне это говорить.

— Не в этом же дело, где работать и что выращивать? — Он махнул рукой. Ему, видимо, не чем было со мной говорить.

Так, молча, я и доезжаю агрономы до его дома. Он даже дварцей как сплудит — мне сплунуть. Силвны млываюто.

Два дня я мненя от полурисия парек-то нскладрил: будто ничего не случилось, а настроение — хоть в палто лезь. Хотел пойти вечером в клуб, да как вспомнил, что за мной Бесценный наблюдает, раздумал.

С этого все и началось. Куда бы я ни ехал, представлялось, что рядом сидит Михаил Матвеевич, и так же, как в автозадержании. А при встрече только — «Привет!» — так он отмахнется от меня, как от мухи, словно не хочет сказать: «Слушай, чего тебе от меня надо?»

Как-то я поехал на станицу, откуда отправляли незрелые помидоры. Пока в товарный грузили ящики, я решил побродить по вокзалу и сразу же увидел в плавце отпущенный парек-то голубых глазам и в голубом комбинезоне, в голубых сапогах и с розовым щекнами огромной рукой указывая на недостроенные корпуса и на подьёмные краны. А внизу объявление: «В Мурманскую область требуются... Требуется: рабочие, инженеры, техники и шоферы. И если говорилось, что обо всем подробно можно узнать в горюде таксака.

Совхоз от горюде в тридцать минутам, и при первой возможности я отправился туда.

В маленькой комнате за столом сидел крупный человек и вертел перед собой замкоминую ленту.

— Подеешь, парень, не покажешься? Он вдруг стукнул кулаком по столу. — Ты видел когда-нибудь белые ночи? Тогда ты ничего не видел, парень!

Я тут же написал заявление. На другой день увелили из совхоза, а за день до отъезда чут-чуть выпил с товарищами, и мне застолось поговорить с Бесценным. Застел я его в конторе. Он сидел один, Я остановился в дверях и сказал ему:

— Михаил Матвеевич, вы можете мне уделить минуточку?

Он замечательно спокойно посмотрел на меня блондуриными глазами.

— Только одну минуточку, — сказал он. — У меня плохо с тобой. Мне в пять мотк звонит надо.

Это меня заблосило: ак плохо с тобой? А если плохо с человеком?

— Но я здоров.

— Михаил Матвеевич, — говорю, — я уезжаю в Мурманскую область на строительство.

Я думал, он скажет: «Молодец, Шурка!» — а это только пожал плечами и проговорил:

— Ты знаешь, местожительство и работу — это еще ничего не знают. Не об этом ты тебе говорю.

Я хлопнул дверью: горюде на ясным огнем вместе со своей тарой!

...А потом пошел. Новые, незнакомые люди, песни.

А потом ходил посыле нашей степной жары. Дожди, слюночь. Вот оно, мое местожительство. Никаких корпусов, никаких подьёмных кранов. Только материал для строительства заводится. Одни барак построены.

Меня в семерим в комнату поместили. Я одной, потому что носили одинаковую рубу. У нас и койки были одинаковые, и одедала, и специальность у всех одна — шоферы.

Почти каждый день лил дождь. Приду после работы усталый, завалюсь на койку, руганься. А ребята улавливают: так ведь осень. И тогда я просто орал на них. Разве такая бывает осень? Я им про арбузы, про наши помидоры, про солнце. А они смеются: «Так говорю, будто ты и солнце ждешь, как арбузы!»

Один Николай надо мной не смеялся. Был он грузиный, широкоплечий, губы острые, добрый. Он был женатый. Жена его жила в соседнем бараке. Томе шофером работала. Звали ее Зойка. Она со всеми так разговаривала, словно без знакома была. Не нравятся мне такие разговорные девчата!

Однажды в ярке привезли помидоры. Есги бы их увидел Бесценный, он бы, наверно, ударил на место.

Я их ешь не стал. Так и сказал ребятам:

— Я еще до того не скатился, чтобы лопать такие отбросы.

— А мы скатились, — смеялся Коля, — подождем, ребята!

Они расстелили газету на столе, насыпали соль и макали в нее мелкие помидоры.

Колья снова предложил:

— Лопай и не финти.

— Да ни за какие корюки... — начал было я.

— Не жди же толку помидору в соль и откусил. И вдруг он мне показался таким вкусным. В жизни своей не пробовал таких помидоров!

— А ничего. Сорот шорый, — небрежно сказал я.

Ребята захотели, и Колья опять протянул мне помидор.

— На другой день я отправился в свой обычный рай.

Мы же были разбиты по бригадам: кто возил кирпич, кто щебень. Я же отправился в свой рай за лесом. Я сидел за баранкой и думал о вечерном чае. Зачем я смеялся над ребятами, а потом ел эти же помидоры? И вообще было грустно. Получалось, что я сам себе обманываю. Работая здесь, а мечтаю о том же, что бы домой уехать. Надели меня дожди и эти проклятые солки. И ради чего я здесь? Ради того, что хотел доказать агроному? А что, собственно, я доказал ему? Дуря я, клонил на башку него. Собственно, я их и не застал. А полярные ночи вот-вот начнутся. И пусть себе начинаются. Уеду. Я и ребятам уже об этом сказал. Они не удивились и не огорчились. Я и начальник колонны сказал. А что...

— Ну же, только подьёмные придется вернуть.

— Ты и люди! Будет дело в подьёмный! Натс, возьми!

Вот дорожка, будь ты счастлива. Хоть и ровная, да колеса восмерки

сради. Кто-то сгнил. Я остановился. Это была Зойка.

— Ты что, занула за баранкой? — крикнула она.

— А у тебя пожар в кузове?

— Бывает на минутку, — приехала она.

Еще я было извинил, но по утрам и вечерам становилось так prominently, что страшно было выбираться из дому. Днем теплое, и дорога становилась липкой и трудной.

— На Зойке была ушанка, ватник, рукавицы.

— Ты просто плетешься, Шурка, — сказала она. — За тобой противно ехать.

— Ты тоже едешь — дальше будешь.

— Ненавижу, когда так говорят.

Мне хотелось ей предложить: «Лети вперед, пташка, раз тебе противно за мной ехать!» Но успел я и слова выслать, как она сказала:

— Вот что, Шурка, ты поедешь со мной. У меня есть своя дорога — покороче.

Я расхохотался: подумавши, своя дорога. Послать бы ешь и черту! Но мне было все равно, куда и по какой дороге ехать. Зойка обомлела меня, и я поехал за ней, думая о своем: о том, как я приведу домой и поставлю перед собой огромный арбуз и как арбуз крикнет под ножом. А потом я поеду в контору к Бесценному. Но дальше я ничего не мог придумать.

...Дорога пошла в гору. Сузились. Две кустарников били по машине. И вдруг дорога совсем стала узкой и такой крутой, что солки, стоявшие не слушается меня. Под выступили на лбу, и стало так жарко, что рубашка прилипла к телу.

Я так напугался, что руки намертво сцепились в баранку. Здесь, наверху, дорога была совсем сухой, но с такими поворотами долго ли до бедды.

— Я не знаю, сколько я ехал. Мне показалось, вечность. Я даже не так обрадовался, как удивился, когда выпрыгнула дорога и солки выстрелились по бокам. Дорога опять стала ровной и широкой.

Зойка ждала меня, стоя возле своей машины. Сначала мне застолось проехать и объехать ее грязью. Но я все же вышел из машины и подошел к ней.

— Ты что, чокунул? — со злобой спросил я.

— Ненажико, — ответила она и засмеялась. — А ты знаешь, сколько мы километров ехали?

— Мне своя дорога дорожке — Я думал, что я ее уедую, вот возмю и стуну как сплудает.

— Ах, ты любишь ровную дорожку, — протянула она, будто не замечая моего состояния. — Заснешь на такой дорожке, едешь от сугри... И тут она затараторила: — Если хочешь знать, так на ровной дороге скорее бывають аварии, потому что терять бдительность...

— Это еще долго лреша что-то насчет бдительности, но я выключаю мотор. С приемом, моя корюка, оставаясь на этой дороге и прикрываясь солками.

Вечером я сразу завалился спать. В комнате собралось много народа. Но я ничего не видел, не слышал. Я словно провалился куда-то.

Утром мне не хотелось встречаться с Зойкой. Но что поделаешь, все мы крутились на одном патке. И я, конечно, увидел ее. И она, как ни в чем не бывало, сказала мне: «Здравствуй!» А потом я видел, как она из кабины помахала рукой Николаю. Он ездил не с нами. А я должен был поехать за Зойкой. И когда машина подошла к моему месту, откуда начиналась та проклятая дорога, то сначала я хотел поехать по прямой. Но слово кто-то другой повернул за меня баранку. И на этот раз я испытал страх, но вместе с тем какая-то озорная радость вселлась в меня. И когда я выехал на ровную дорогу, Зойка снова ждала меня. Она сказала:

— Я так и знала, что ты поедешь по этой дороге.

Вид у нее был такой, как будто она поспрнала со мной, а теперь вышла победительницей.

— Послушай, Зойка, — спросил я, — а что, другие не знают этой дороги?

— Конечно, знают! — она помолчала. — Только начальник колонны не разрешает здесь ездить.

— Так зачем же ты меня потянула?

— Тебе эта дорога нужна, Шурка.

Я ошел.

— Тебе эта дорога нужна?

— Она не ответила на мое. Мы еще постояли молча, глядя друг на друга. И я сказал:

— Поехали.

— Каждый раз, ложась спать, я давал слово, что больше не поеду по этой дороге, и каждый раз сворачивала на нее. Я и Зойка делали большие рейсы, чем остальные. И еще шоферы знали, что мы ездим по «запретной», так называли эту дорогу. Но все ребята молчали. Они, видно, тоже считали, как и Зойка, что эта дорога мне сейчас нужна.

А начеро я и Николай и Зойка шли в клуб. Сидели, конечно, было называть сарай клубом, но мы танцевали там, целаясь сапогами за плохо струганные доски. И мы смотрели фильм и, когда разлеяла лента, кричали: «Салоникки!»

Но когда з аверси усталая, я вспоминал совхоз. Однажды он мне приснился. И я увидел совхоз так ясно, будто это было наяву. И как будто я ехал на аэродром. И мне так хотелось спать, что я с трудом держал баранку. А рядом сидел Бесценный и толкал меня: «Ешь спи, Шурка, а ты опоздаешь за тарой». А я сквозь сон отвечал ему: «Грудно мне видеть, Михаил Матвеевич, твой дом!»

Я даже хотел это сон рассказать Зойке. Последние время я очень часто думал о ней. И это было совсем некстати. Мне было просто нелюбо перед Кольей. Он всегда всем делался со мной и считал меня своим другом.

И мы по-прежнему втроем ходили в клуб. И по-прежнему всем казалось, что мы вместе с Зойкой и Николаем, потому что нет нигде таких арбузов и помидоров, как в нашем крае. Но мне никто уже не верил, и все подсмеивались надо мной.

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

КРОВЬ И ПЕПЕЛ

Поэма Юстинаса Марцинкявичюса «Кровь и пепел», полный перевод которой будет опубликован в журнале «Дружба народов», — выдающееся произведение современной литовской литературы. Перевести прозой ее содержание весьма трудно.

Поэт предлагает читателю путь осмысленной борьбы с фашизмом и всем существом поэзии восстает против рабского, конформистского покорства, которому учат проповедники от костела.

Третья глава поэмы посвящена молодцу. Ее герои — молодой партизан Наплис и его невеста Юрга.

Из самого леса войны, из ночного партизанского леса приходит Наплис на свидание и своей любимой. Война не дается над молодостью, над высоким и вечным чувством. Любовь и борьба — тема 3-й главы поэмы, которую мы предлагаем вниманию наших читателей.

Хоть поздний час, но только все ли
Спят у Айдулисов в дому...
Еще не все уснули успели.
Свет из окна мигнул во тьму,
А перед этим кто-то в сени
Вбежал неслышно со двора.
— Ты, Юрга! Поздно...
Спать пора...
Слова свои сказала Айдуле,—
Ведь нам на огород за утра,
И керосин уж больно дорог...
— Сии, мамочка...
Чуть слышный шорох,
И дверь в чулан затворена.

Ах, эта молодость!
Она
Так редко времем со всеми
Но сну отходит. Что ей время!
Особенно когда весна.
Что только спать не гнал ее!
Весной, когда, шатаясь шапо,
Она черемулу дышала,
Впадая в полубытьё.

Фитиль прикручен, и вот-вот
Свет лампы, трепетный и слабый,
Достает и не лет сойдет.
Но Юрга так сидеть могла бы
Не ночь, а ночи напролет.

Вот косу тихо расплела,
И, словно солечная ива,
Коса струится прихлотно,
Длинна, густа и тёмна.

Такую расчесать не отдым.
На зависть всем коса-краса.
О ней недаром в трех приходах
Рассказывают чудеса.
Болтают, что на льну и льном
Когда-то Юргу пепелали.
Позже с виду. Но едва ли:
Здесь дело все-таки в ниюм.

Все, что на радость нам на свете
Природою сотворено
За тысячи тысячелетий,—
Все Юрге
юностью

лицу — расцветное синие
Вокруг озер голубизны.
Данейным — легкостью горной лани.
Прямую стану — стать сосны.
В груди — аркаше светлого
На месте сердца замятого.
Не гасло никогда оно,
За горизонт не заходило.
На раннем утра бытия
Цела в сильные веяния пивней,

Цветка весеннего нананей,
Трудолобивей муравья.
Всех заважон хор звенящих,
Всех запахов и красок смесей,
Всех трав и листьев шепот весь
Казалась Юрге меда смалец.
Блаженное гуденье пчел...
Цветов медовое пыланье...
Такую Наплис нашел
Ее однажды на поляне.

Они в сердцах любовь несли.
Но чувство было неизнакомым,
И, пораженные, как громом,
Ни слова не произнесли.
Немногоголов, как природа,
Язык любак.

Но дядяся дин,
Прошло уже не меньше года,
Давно оглашены они,
Да старшие со свадьбой тянут:
Отюмны до нынх времён,
Они когда-нибудь настанут.
Совет, быть может, и умён,
Но только все это напрасно.
В дни невзвестности

молодежь,
Как и всегда,
любви
подвластна,
И, значит, с ней не подождешь.
Да и не надо ждать!

Пусть мчится
Тот вихорь, правящий людям,
А невзвестности — черт возьми! —
Борьба поможет обучиться.

А Юрга косу расплела,
Фату из сундука достала.
По-прежнему белым-белым,
Не велика и не мала
Фата, в которой мать пришла
К Айдулисам, невестой стала.

Зато от прежнего венца
Остались на кисейной ткани

Два-три засохших лепестка,
Как слабое воспоминанье.

Но Юрга в дом из темноты
Внесла охапку свежей руты!
И на копенках для фаты
Сплела венки за полминуты.
И слышится в потемках ей:
Собаки лают на кого-то.
Выходит Юрга за ворота,
Чтоб встретить с почетнось гостей.
Сейчас талого жонка
Рой пестрых девушек облепит —
Цветастых любок вороха,
Смех и почти что птичий шепет.
Поможет можно в дом пролезть.
Несут, взяв ее за локоты,
Ведут, чтоб косу ей расплести
И песняком до слез расстрогать.

В избе такая теснота,
Так переполнена светлица,
Что на свободные места
Почти немилосиво пробиться.
Гостей считать — не сосчитать,
Все струдилась и ждуть, гадая,
Обучена ли молодая
Дзункиским слогом причитать.
Да что ж тут обучать,
когда

Она слышала,
как в печали,
Выпархивая из гнезда,
Процвася, журавли кричали.
— Ох, уи ты, латушка!
Лучше ты дечь
Не растила бы,
Не собирана приданое,
из дому

Не отпустила бы,
Миняся мне, чудится,
Что на свою же беду
За озорного, оттого
Этого парня иду.
Как твоя дочка любимая маестя,
слышмиш ли ты!

1 Трасса.

Рисунок И. РАЗУВАНОВОЙ

Сердце в груди разрывается
от тоски.

Сплела невеста причитанье,
Словца на дедушкин лаф.
А сердце радуется тайне,
Слова нине в нем звучат.
Не надо, милый, верить плачу,
То, что не понято людьми,
Почувствуй, милый, и пойми:
Я за слезами радость прячу.
Со мною вместе веселись,
Пока я плакать не устану.
Все понимает Напалас,
Но никому не выдает тайну,
Не скажет, почему бьется
Глаза любимой и лучится
Завороженной счастьем взгляд
Сказью морские от слез ресницы.

Но без подарков свадьбы нет.
Все дружки спинки гнут в поклонах,
И сыплют Юрге горсть монет
За золото волос червонных.

И снова слом печальных взвз,
И голос зазвучал умило.
Невеста голову склонила,
За причитанье призналась:

— Ах, уж как уйду я
в сторону чужую,
Стану жить, тоскую...
Пожалейте, люди,
Все там незнакомо,
не поможет мать.
Станут стены дома
на меня ворчать.
Буду я у близких не в чести,
Жаловаться будут на меня соседям,
Счет вести
Каждому куску, что мною съеден.
Каждый мною
съеденный кусочек
Не еда, а слез.

Как мне угодит на всех
До еды охочих!!
Ах, уж как сумело мужку угодить,
печку истопить.
Обед сварить,
Дом перед соседями прославить,
Справить все дела.
Благо перед сумоным поставить
Посреди скоебного стопа!!
Точь-в-точь, как плачут журавли
О гнездах из далекой дали...

А вот и косу расплели,
Невесту в белое убрали,
Все с ног до головы бело,
Будто из белого тумана.
Как вдруг негаданно-нежданно
Грудь Юрге болью обожгло.

Глаза замолкли о пощаде,
И стало в них темным-темно.
Поли прохладные, прощайте!
Прощай, зеркальное око,
Возле которого когда-то
Мечтала юная нарплет.

Светлица тишиной объята,
И Юргу за руку ведет
Отец по глиняному полу.
В последний раз, в последний раз,
Теперь и впредь заплакать вপুরо.
И слезы хлынули из глаз.

— Ах, куда ты, батюшка,
дочь свою ведешь!
Может, будем, батюшка,
жать на горке роць!
Ежели
роць
буйную
Надобно
жать,
серп
Из дому
звать.
Ежели сено сгребать на лужке,
Грбали клееновы дай по руке,

Ну, а уж ежели, батюшка, мне
Жить положил ты в чужой стороне,
Ежели год — подороже сдер,
Матушке новый платок подари.
Ежели, батюшка, на век на весь,
То научи меня, батюшка, здесь
Разуку, батюшка милый, уму,
Разному, батюшка милый, всему.

Рыдает Юрга без уמוлку
Не в силах слезоным уинуть.
И о порог сплонулась мать,
Вбега в тесную маморку.
— Что, деточка, с тобой!

В избе
Твой безутешный стон слышала
За таинкой сон я принимала...
Что причиняет боль тебе!

— Не знаю, мамочка, в чем дело.
Мне нынче не спалось спить...
Попробовала причитанье...
Остановиться не сумела...
— Как так, — не выходи тогда.
Не тосуй, да и время терпится.
Сейчас беда всю землю треплет...
Еще успеешь — молодца.

А Юрга огонек заране
Задугла и, открыл окно,
Вдруг поняла, что не темно,
Что льется луное сияние,
И все вокруг опалено.
Беззвучно, зыбко, неземно
В его мерцающем тумане.
Струился дождик световой,
Ничем на свете не колдуемый.
Лишь подставне лунным струям,
Плывала Юрга танец свой.
Тень удлинению бросая
По голубому серебру,
Простоволосая, босая,
Плывала Юрга по двору.
И дождик необыкновенный
Босие ноги омывал,

Вывечивал косяк стемн,
Крохля сарай и сеновал.
Его бодрящая оступа
Порой бросала сердце в дрожь.
Ах, молодость!

Так вот откуда

Очарованье ты берешь!
Когда бы мимо шел прохожий,
Застып бы, от восторга нем,
Поверя, что русалин все же
На свете есть...

А между тем
И деревце кто-то в самом деле
Межам, озирает, брел,
Передвигая ноги еле,
И шаг широкий был тяжел,
И руки тяжело висели.

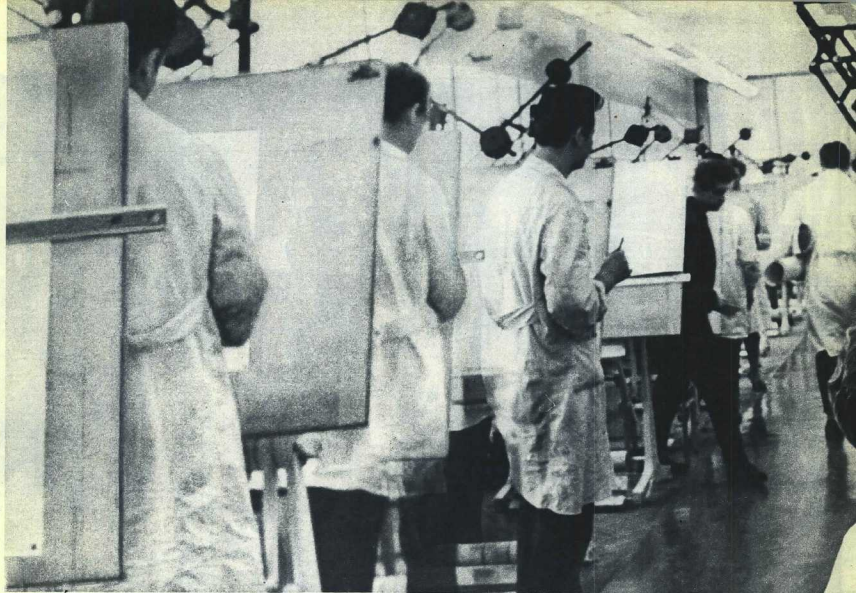
Узнала Юрга этот шаг,
Тыжеловесный и упрямый.
Неужто Напалас!
Он самый,
Живой! А прочее — пустяк...

И, вставшись за руки, как дети,
Шел рядом по своей земле
Дорожкой луной,

в лунном свете,
Под ливнем лунным,

и как два дерева, все время,
Не отрываясь от земли,
Ветвями и корнями всеми
Держась друг друга, радом шли.
Они держались друг за друга
И чувствовали, как земля
Огнем пульсирует вপুরо,
Еще сильнее любить велит.
Две молодых души, два тела
Остались на земле одна,
И поступали так они,
Как мать-земля в ту ночь велела.

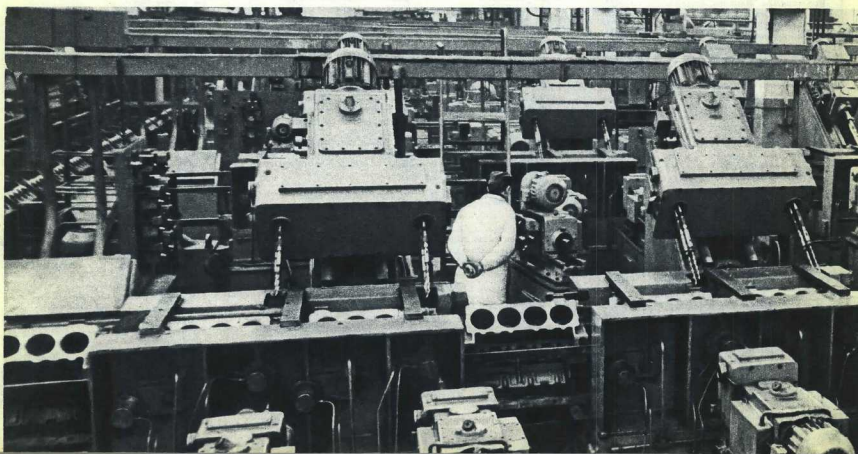
Перевел с литовского
А. МЕЖИРОВ.

АВТОМАТИКА · ТВОРЧЕ

В. САЖИН

Фото С. ПЕТРУХИНА

ублукня эти две фотографии, мы все не намереваясь удивить читателя, показать ему нечто необыкновенное. Цель, которую мы преследуем, никак не котим обратить внимание на процесс, а обеще, обычный, повседневный, но тем не менее весьма знаменательный, — на то, как меняется характер труда в нашей социалистической общесте, как создается передосылки и резкому повышению производительности труда.

Вспомните в эти снимки. На нижнем — цех автомобильного завода. Вроде линии станков, заложено руки за спину, идет рабочий. Вот он остановился у одного из автоматов, наблюдает за ним. Впрочем, это не совсем точно — у одного. Здесь работает целый участок-автомат, комплекс автоматических устройств, действующий по одной программе. Такая сложная деталь, как блок цилиндров двигателя, фрезеруется, сверлится, растачивается, шлифуется, передается от одного станка к другому без участия рабочего. Сложный и трудоемкий процесс, в котором прежде были заняты десятки людей, целиком доверили машине.

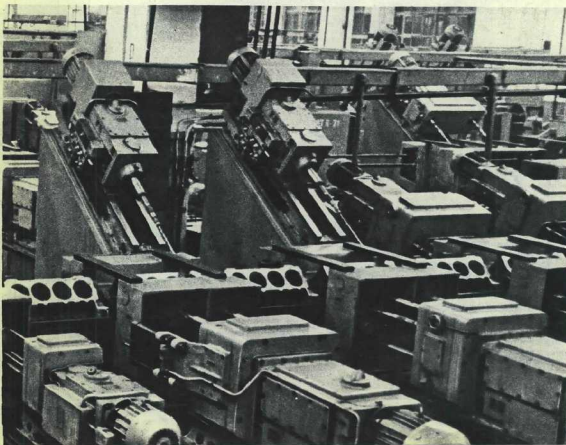
Но куда же ушли из этого цеха люди? Где теперь работает те, кто прежде стоял у станков на этом участке? Думаем, что не будет большим преувеличением, если мы скажем, что видны их на верхнем снимке. Утверждая это, я, конечно, быть, несколько забегаю вперед, но именно такая тенденция существует в нашем обществе, создающем материально-техническую базу коммунизма.

Наша промышленность производит теперь больше продукции по сравнению с 1952 годом. К восьмидесятому году производство увеличится в шесть раз в сравнении с тем, что мы имеем сейчас. А если упомянуто производительность труда сравнить с той, что была в 1926 году, то получится, что сегодняшний рабочий работает за 13 рабочих того времени. Через двадцать лет производительность труда вырастет еще в четыре — четыре с половиной раза.

Вот несколько примеров. Коопленная автоматизация химических предприятий увеличивает производительность труда в 5—6 раз. На металлургических заводах — в 10—12 раз. Автоматическая линия по обработке блоков двигателей автомобиля «ЗИЛ» позволяет поднять годовую выработку на одного рабочего по сравнению с неавтоматическим производством в 92 раза. Многие гидроэлектростанции давно работают «на замке». Управление ими ведется на расстоянии. Такое же телеуправление введено на многих нефтедобывающих промыслах. Больше того, прорабатывается объединить добывающие и перерабатывающие предприятия в единую автоматизированную систему.

Нередко думают, что автоматизации поддается только массовое производство. Но это не так. У нас созданы станки с программным управлением, которые обрабатывают уникальные детали огромной сложности, например, лопатку гребного винта. На обработку такой детали обычным способом тратится 200—300 часов. Станок с электронной программным управлением выполняет эту работу за 20 часов и несравненно точнее. Из подобных станков могут быть созданы автоматические линии для обработки любых изделий. Научно-исследовательский институт металлургических станков создает сейчас управляемую электронной машиной линию, которая сможет чуть ли не непрерывно менять профиль продукции. Допустим, в конце этой линии обрабатывается одна деталь в середине — вторая, а в начале — третья. Станки после обработки каждой такой детали за несколько минут автоматически перенастраиваются на обработку следующего изделия. Автоматизация и несравненно более росту производительности труда. И скоро на заводе, где сейчас занята огромная масса рабочих, останутся всего несколько инженеров и наладчиков. А производить они будут больше.

СТВО - ПРОГРЕСС

Но куда же денутся остальные рабочие? Не возникнет ли у нас проблема безработицы? Ведь машины — это технологии, технологии, которые внедряют советские инженеры, ничем не отличаются от тех, что вводятся на капиталистических предприятиях. Мало того, мы покупаем на Западе оборудование и даже целые заводы, мы отказываемся от нашей системы будет занесена таинным образом «бацилла безработицы».

Некоторые западные социологи объясняют отсутствие безработицы в Советском Союзе тем, что мы не достигли еще уровня производства США. Но дело, конечно, не в этом. Даже тогда, когда мы преобладаем самую развитую капиталистическую страну, нас не угрожает хроническая безработица капитализма. Не угрожает потому, что в основе наших принципов производства и распределения товаров лежат интересы всего общества, всех трудящихся. Да, мы будем производить очень много, и тогда появится реальная возможность значительно сократить рабочую неделю, люди смогут больше времени и внимания уделять образованию, культуре, семье, спорту, наступит идеальное условия для гармоничного развития личности.

Вот почему английский социолог С. Лилли, занимающийся проблемами автоматизации в современном мире, писал: «В условиях, когда имеется обеспеченное общество, когда открываются огромные возможности для продвижения благодаря образованию, когда быстро растет производство и соответственно повышается уровень жизни, не удивительно, что люди в СССР от директора завода до операционного рабочего, с энтузиазмом поддерживают широкую и быструю автоматизацию».

Не так обстоит дело в капиталистическом мире. Британский департамент научных исследований считает, что в результате автоматизации через 20 лет не менее 60 процентов рабочих капиталистических стран останутся без работы. Американские же социологи делают еще более pessimистические прогнозы. По их подсчетам, уже в середине семидесятых годов в 63 процентов рабочих потеряет работу в Детройте, центре американской автомобильной промышленности, где автоматизация развивается особенно быстро, насчитывается более четверти миллиона безработных. На предприятии фирмы «Велл телефон систем», по данным американского профсоюза за рабочих связи, к 1965 году ожидается дополнительное сокращение на 100—115 тысяч человек.

Но, может быть, самое кошмарное следствие автоматизации — кризис журнала «Фортанк контрол». 1961 — таковое соотношение, выведенное этим далеким от политики журналом на тот случай, если автоматизация в промышленности США достигнет максимального развития. Сто увеличенных на одного занятого!

Автоматизация — одно из величайших достижений современной цивилизации, открывающее перед человеком и обществом огромные возможности прогресса. Но только при условии, что машины принадлежат тем, кто на них работает, при условии, что в обществе произошла социальная революция, покончившая с эксплуатацией и передавшая средства производства в руки народа.

Физические возможности человека ограничены, но творческие силы его беспредельны. Машины, автоматы расширяют эти силы, человек в полной мере обретает дарованную ему самой природой способность мыслить и творить.

Мы нередко восхищаемся трудом человека или художника. С какой самоотверженностью отдаются они делу, которое составляет цель и смысл их жизни! Эти люди талантливы. Но по-настоящему талантливым человеком, если осмыслить его от однообразия занятий, от рваности профессий, как от занавески, как прекрасно расцветает тогда обществу! Люди физического труда — рабочие — поднимают до уровня людей умственного труда, труд творческий станет полновластным хозяином жизни.

Перед тем, как ехать, нашел на карте синюю ленточку Томи, простенький кружок, надписи сказали что ин на есть маленький таушан: «Новокузнецк-Вост». Юго-западнее — Кулунда, север-восточнее — Абакан, Тайшет». Два часа в самолете, пятнадцать — в перелетном самолете, еще в дороге, и вот уже проступает сквозь морозный туман зеркальные витрины витрин, фронтоны домов в алом утрение мне, черные громады домов, изморозь на лптых оградах скверов...

Новокузнецк сегодня — это Запсиб, КИМ, Химстрой. Новокузнецк сегодня — это очередь за стиралкой Фридука Вайонг, разговор в рабочей столовой о автоматической теории игр, вторая выставка картин художников ТОМА [Томского объединения молодых], груда писем на столе в горном комсомоле: «Мы, военные моряки, угодим в запас. Напишите, нужны ли у вас, на передовой большой работы, наши руки, не забывайте за наукой боя науку труда...»

Юго-западнее — планета Земля, север-восточнее — легендарная трасса, между ними — Новокузнецк, передающая большой работы. И да простят мне кузнецкие, что этим я ограничился в своем восхищении городом на берегах Томи. Надеюсь, войдут они в мое положение, в положение журналиста, для которого Новокузнецк не просто красивый, гостеприимный и интересный город. Он интересен еще и тем, что в горнич его будний геральд более, чем где-либо, обматывают многие проблемы; некоторые из них и дали повод для этих писем...

Виктор ЛЕВАСОВ

О подвиге, лозунгах и пожарном инспекторе

мечтаю о такой сцене: приходит в комитет комсомола разъяренный строитель и бьет по столу кулаком: — Допрыгался! Опять подлаг!

Хочу говорить сразу: есть подлаг и подлаг. И, если хотите, еще раз подлаг.

Подлаг открытия. Подлаг свершения. Подлаг утверждения человеческой красоты.

Напряженным и самоотверженным трудом ученых, инженеров, рабочих, напряженным трудом и мужеством космонавта поднимается всясь легендарный «восток» — подлаг.

Врач прививает себе чуму, чтобы проверить вакцину, — подлаг.

Сорок девять дней на один с океаном четверо советских солдат — подлаг. И сущность этого подлага не столько в том, что четверо парней спасли свои жизни, сколько в том, что они заставили весь мир почувствовать гордость и веру в Человека, в его силу и красоту души.

«В жизни всегда есть место подлагу». И в далеке от мысли опровергнуть это утверждение. Но об одной разновидности подлага мне хочется поговорить сегодня подробно.

Вечером в Новокузнецком горном ВЛКСМ, в

кабинета второго секретаря горкома Ивана Алексеева, началось заседание литературной секции ГОМА. Обсуждались стихи молодого инженера, на мой взгляд, очень интересного поэта Павла Майского. Одно из стихотворений начиналось так:

Ты дай мне мою Гренду,
Ты дай мне мою граниты,
Ты дай мне, амбурау которого
Я гудую закрыть готов!

Нужно сказать, что это не лучшее стихотворение Павла, но, как ни странно, именно оно вызвало наибольшее споры.

В стихотворении шла речь о некоем парне, тоскующем о подвиге, идушем тогда приполярная сив.

А рядом князья строили,
Вставали доми громады,
А рядом по плану строили
Шли бои за Трансу,
И кто-то уговаривал старого
И снал на гуашите о живодстве,
И кто-то смеясь звал «Падать!»
Вслед герою божьявину,
Никого здесь не боялись,
Но подвиг рождился здесь,
Поскольку единственному КЛОТОМ
Выза комсомольская честь...

И очень скоро центр обсуждения перенесся от рифм и ритмики в область совсем иную. Разговор пошел о том, насколько правомерно утверждение поэта, что эта вот горячая работа, которая смирила парня, и есть путь к тому самому подвигу, о котором мечтает лирический герой стихотворения.

И вот встал кто-то и сказал:

— А по-моему, все правильно. Смотрите, в стихе все точно сказано, чувствуется, что идет настоящая работа, по напряжению своему, по тяжести которого она требует от людей, работавших, бою, сканом, штурму... Подвиг!

И мне вспоминались: в самый канун 1964 года в редакции местного радио раздался телефонный звонок:

«Записывайте: в условиях острой нехватки шпал, при наличии полного отсутствия механизации бригад молодых людей требуются самые высокие сроки завершения ремонта железнодорожного полотна. Молодые энтузиасты...»

«Голосцы,— прервали абонента.— Почему «при полном отсутствии механизации?»

«А, это неважно! Ведь подвиг!..»

И вот здесь, на обсуждении, слышу:

— Чувствуется, конечно, что работа горячая. Только, по-моему, слишком уж она горячая, слишком на штурм похожа. Надо бы еще разобраться с этим подвигом...

А вот это уже не из стихотворения. Из книги Записки, всеобщего комсомольской ударной стройки. Газета «Кубас» в очерке о бригаде монтажника Володи Гордиенко сообщила:

«Бовесу кричание пришла бригада на партерские ТДК. Когда по трубукам спустились парни, опорные колоны, не выдержав нагрузки, просели и опасно отклонились. Четыре дня под проливным дождем, по колена в грязи боролась механизация за жизнь телпассары. Когда десятая колонна была выправлена и забетонирована в глазах уставших и измученных людей свистела радость победы...»

Да, был такая эпизод в жизни бригады Гордиенко...

Позже на стройке разобрались в причинах аварии: фундаенты в мерзлой земле были недостаточно глубины, основания опорных колонн выполнены халтурно, и в результате опоры «поплыли»...

И кто слышит: «При наличии полного отсутствия...» На этот раз — рабочей совести и тех, кто мониторил колонны телпассары.

Герои ли ребята на бригаде Гордиенко?

Погоди ли то, что они сделали Подвиг. Но...

— В гробу бы вдеть такие подвиги,— говорят сами монтажники.

И еще кое-что добавляет.

А над этим стоит задуматься. Это говорят не мы, которые руки давно замараты. Это говорят люди, которые хорошо доказали, из какого

теста они выплывают, делом доказали, насколько дороги им интересы своей стройки.

Откуда же, отчего же в словах их столько злости, раздражения и жестокой досады! Почему так, как будто им, монтажникам, только мое мнение, а что для рабочего человека нет ничего обиднее, досаднее, горше того факта, что результаты его труда пускаются «коту под хвост». В одной из командировок мне посчастливилось быть свидетелем прямо-таки великого подвига, который «чинники» молодые экскаваторщики своему пробурю, когда выяснили, что траншея, вырытая ими, должна быть вырыта совсем в другом месте. И нужно было видеть обескураженное лицо прораба, омыдавшего разнос от нечестности, но никак не от экскаваторщиков, работа которых была вполне оплачена. Недоумение прораба происходило, по-видимому, оттого, что он не успевал различить между собой своим рабочим и рабом, «вышибанником», для которого что бы ни делать, лишь бы деньги получать.

Да, в случае с монтажниками из бригады Володи Гордиенко, очевидно, то же. Та была эпоха, это же время, это разделение на вышибанников еще и тем, что не было почти certeza смены, а четыре дня напряженнейшего труда под проливным дождем, по колена в воде.

— Золотая ты плушка! — То-авважно, они не должны были делать то, что сделали!

Лучший ответ на это возражение дали сами ребята: они сделали. Поставленные перед фактом, фактом необходимости подвига, они совершили его, но...

В толковом словаре русского языка под редакцией профессора Ушкова подвиг определяется как «доблестный, героический поступок, являющийся по своему значению действию, совершаемое в трудных условиях». И если начинать рассказ с того момента, когда «сказали ребята: «Буду работать, спасать трудящихся» — будет правильно. Но в то-то и дело, что не с этого момента началось «подготовка» подвига. Не заметраснение, не ураган явилась причиной возникновения аварийного положения, а элементарное, банальнейшее разгильячество, халтура, безответственность.

Да, был такой героический эпизод в жизни бригады Гордиенко. Только в одном смысле корреспондент: не радость победы, а разочарование в людях, которые ушли в ступор и в замешательстве к нам, к людям, которые четыре дня под проливным дождем, по колена в грязи делали эту работу — работу, которой не должно было быть.

Поэтому можно и нужно понять молодых монтажников, можно и нужно разделить их возмущение. Ведь колесо полезного было бы создано, если бы трудовая доблесть ребят, их силы и энергия были направлены по нужному руслу!

Слушай это, к сожалению, не единичное. Если бы так, вряд ли стоило бы говорить об этом. Если бы так, вряд ли такое бурное обсуждение вызвало бы стихотворение Павла Майского. Но воплотите, в газетку, по радио, на отчетных комсомольских конференциях:

— Несмотря на несовершенство состава оборудования, молодые строители темне-то ценной немаловверных усилий вовремя и в срок...

— Бригада такая-то показала пример подлинного энтузиазма, шесть суток не покидая рабочий мест...

А за всем этим слышится: «При наличии полного отсутствия...»

А за всем этим почти не слышится: «Давайте, товарищи, разберемся, кто виноват в том, что подвиги, необходимость такого «подвига»... Нет, не слышится!»

Большое то и тревожащее: признание такого рода подвигам закономернью вызывает порой совершенно четкую реакцию у некоторых герокудодателей.

Э, да что там заболитесь о быте строителей! Они молодые, они герои! Выждутки!

Э, к чему беспокоиться о планемерном снабжении! График не сорвет, клипмен нашу доблестную молодежь — и готово!

— Первую половину месяца цех не выполняет план! Брында, подвизаеме, как у нас ребята боевые!

На модельвальном заводе Норильского горнометаллургического комбината, в сериюислотном цехе, например, подвиг став невременная часть технологического процесса. Регулярно два в два месяца, как правило, в цехе, смену в цехе, на веревке молодые электрослесари и вручную обивают нагар с карноурирующей электрода. Главный технолог цеха тов. Орлов с гордостью называет их Фиделитами. Но, к сожалению, продукция выдается своей планна за счет того, что камара почти не выходит из работы. Говорит о риске для жизни— а это действительно смертельный риск! — говорит о доблести, героизме, не говорит лишь о необходимости по автоматической записке электродов...

Я мечтаю услышать в комитете комсомола, в штабе «Комсомольского проектора», в кабинете директора или начальника строительства эту вот фразу:

«Догорались до подвига!

Или:

— Нет, так не годится, так и до подвига недалеко!

...Секретарем комитета комсомола «Кузнецкого металлургического» Самой Азоровым мы стоим у окна, разговаривая. Я рассказывал ему о цехе, который так трудно унять. Он мне сказал, что в цехе, который так трудно унять, есть один человек, которого я никогда не видел. И пока он рассказывает, мне невольно вспоминается давнее интервью с начальником пожарной охраны. Я все пытался заставить его говорить о том, чтобы предостерегавшее зарево, бесстрашный пожарник, выходящий из огня перелуганного ребенка, слезы благодарности на глазах мамы. А он мне все об инспекторе «таким-то и таким-то», о том, как тяжело ведут они профилактическую работу в своих районах, как...

— Случно! — перебил он себя, почувствовав мое разочарование. — Случно, но важно. Идеал нашей работы — никаких прощаний, никаких подлогов.

Нергоная эта история, о которой узнал я от Свищи Азарова, началась с того, что на кирпичной стене стройплощадки появился красный броский плакат: «Бригада Арндта! Стадим камеру фильтров к двадцатому январю!».

Лозунг как лозунг. Вроде бы деловой, краткий, точный. Вроде бы вполне конкретный приказ и действие.

Но бригада мальчишков Виктора Арндта повела себя странно. Бригада Арндта встала и того, чтобы засучить, как это полагается, рукава и прыгнуть за самоотверженную работу, ставшая со стены красный плакат и принесла его в комитет комсомола. Бригада Арндта внесла предложение:

— Давайте рядом с этим повесим другой плакат. С таким текстом: «Опаздывай, Маркс в мае!» Ах, ерунда! Это не ерунда! Это не так, в управлении СУ-7, ошалею! Прежде чем вешать плакат, они поинтересовались, что у нас делается? Ни черта не поинтересовались. Подвизались и нас не слушали. Да, и эти, если бы не наш инженер звал, главному механику все уши прогугали. А мы ведь не нуле, мы на девятиметровой отметке работаем, поди, потаскай вручную! Тут не то что к двадцатому январю, дай бы к середине лета управиться! Конечно, можно и врал, да только...

Я видел бригаду Арндта на объекте. Они работали. Красиво работали. Я смотрел на них и вспоминал монтажников Володи Гордиенко. И не находил различия. Да, и эти, если бы не наш инженер звал, встали бы нас прорыва и четверо суток не покидали бы стройки. Если бы нужно. Если бы дело. Если бы иначе нельзя без этого обиться...

Короче, ребята отказались от «подвига».

— Я думаю, эта история имеет прямое отношение к нашему разговору,— сказал Свища Азаров.— Хотя, говоря откровенно, мне иногда бывает просто неудобно перед журналистами. Простить чего-нибудь героическому. Говорю: сама работа героическая. Обижается... Ну, хотя один журналист увидит от меня довольный...

И я действительно был доволен. Был доволен тем, что здесь бережно, с уважением относятся к труду ребят...

Да, есть подвиг и подвиги. И еще «подвиги», которым не должно быть места в нашей жизни...

лые клочья тумана пропали с реки, все вокруг наизредь призрачные и зыбкие. Они спускались по тропинке и встали. Лося всяк тенью повисла на паре, он почти несл. Скользя по глыбе, натиснулся на кинотеою юрты, а встала на ступеньку. Лосид стояла на отвали, а Борис ушмыг в. Он двал это сорроте и дажно, как вать, купалоца нелудского ребенка.

— Ты ствой, ствой, дуреха! — приговаривал он. — Юда лезешь? Упадешь! Холуйно!

— Холуйно, — посылалась трезвоем Лосия гелос.

— Мало тебе еще... За такое синство — два раза оиунут, один раз вышлать! Погоди, обгнуй... Высорвайся, Кочери, вот так. Показано?

— Ага.

— Собирайтесь!

— Ага.

— Тогда слушай. Уинку еще при бутале, — мабля. Ничего жста не осталось, хоть ты и дичионо. Я на тебе маюваа сраваю, поинтой?

— Тыбже что? Что тебе от меня надо? Ты Зинку свою любяшь... Говори! Любюшь?

— Люблю.

— А тебе нинто не любит?

— А за что тебе любить тануй? Ты сейчас зори грази! Тебе и еще стоишь ю нинты Дати будт... Нинна ми така вагт!

— Ниную я и нунай! Все вы... — Вещи — с везелной простотой отгвал Борис. Ладно, разберется, Дерин мою руку. Слышь, что говору? Поинтой!

— Я вестани ухитрилась на минуту опариди их. Ковната после попоини выглядела мерзко. Папка чарела при последней выхлывани.

— Вы как тут, не сиучали? Прошлишь ми нинего... — Лося как вошла, так и стояла, принимая и его плечу. Он усидел ее на скамье.

— Ты слышь, Лосья, — озобачено сказал он, — вытй чело покрепче и ложись. Да поин, что сказа!

— Я поставила перед Лосей чайник чуюко, но он не заметал ее. Уронна рука, не мигал, смотрела она за шаркующую дверь.

— Лампа намоно, погоса. Туман по-пренному лип к оинам, под поинном зенем комары, но ветер уже не казался мне таним дмурым.

за длинным дощатым столом. Уже немый час а царяа сваюа зубы нестройно глатной вина. Оставные пини стривательные под стол отпавравалась тристы повитворы. Влестел глаза, разважались вледи.

Поварика и радиста куда-то исчезли. Мы остались вдвоем. Видимо, Лося занелала, что мне не нравилась это ночное пириство, потому что вымыла пинсуку себе еще полкружки, заплю вылила и заурала сигарету.

— Зачем? — спросила я.

— Она ставя пинку какуто несвазную историю о своей несчастной судьбе.

— Скажыте, Лося, как вам поин? — прарава я. — Моног, попорить, чтобы вас параван в другую партию?

— А что вы знаете о партиях? — с пльним надрывом выкинула она. — Что делать девушке, если вокруг трицать вуноной и все скочоит?

— И угла головой на стол среди норок и недешевых кружек, заболала в истерике.

— Принаюсь, я разважлась. Захотела астряхнуть ее покрепче, так, чтобы дурь вылетела из головы. А она все болала и причитала; теперь решила уже о разбитой минии, от которой только и остается, что пить водку.

— Чья-то тень метнулася по стене. У двери стоа Кешамин. Он незаметно оглядел стол, брезгаиво пономрился и пошел к Лосе.

— Пошли, — властно сказал он и, взяв ее за руку, вывел из комнаты.

— Показывались и пошла за ним. Почему-то мне вдруг стало страшно за Лосю.

— На улице был жмурый вечер. Тиня-

СЛЕД В ЖИЗНИ

Осень хрустел на зубах. Маленькие песчаные бараны воились у низкого здания аэропорта. Песок, солнце, ветер — мне вдруг показалося, что я в Средней Азии, а не в тайге, в Тауровскую сейсспортику.

— Мой спутник тронул меня за руку: — Светит!

— На крыльях аэропорта стоял парен, словно выпрыгнувший из приключенческого романа. Высокая а противозенитным мостоме цетка Хлам и почемучю а летной фуражке. Из-под фуражки выбилась золотистый чуб. Грудь перечерчивала ремень планшета. Сбоку в мехе висел охотничий нож. Только лицо, очень молодое, с добрым голубым глазами за стеклами очков и по-детски отпыренными губами, маршало отпый ства.

— Это Лосия, — представлял он и неопределенно задал через наши головы: — Алло, сэр! Вы собираетесь грузить нам материалы? — Я отороса всиюую зенитную, долина. Ты мне зубы не заговаривай, поинтой? Пустой не учече.

— Так я познакомился с Германом Телитиным, прорабом бурозьярных работ, председателем ценок Тауровской сейсспортики, членом нината комсомола, суругутской экспедиции и прочее, и прочее.

— Мы сидели в таежном после Тауро провед маленькия комсомольских кулин-столовой. На двери чей-то острокрестный вывесок был наклеван медведь и написано: «Кочери-Тайга».

— Вид у Германа сегодня был какичи: фуражка обидана на затылок, нос обвиснул, на все нерванов торчали нинги. Сваяя пухлая выглядывала из-за пазуки, как птенчик.

— Рабочие говорили: «Герман читает дико во сне», — это с махивало на правду. Словарану он мотался по партин: сдала на склад материалы, готовил и работал, нинио дурю подравнивших парней и гдетра на ходу услыва «проглотит» еще несильно странн.

— Я осторожно потинула нингу на его правую варежку. Балалак «Загигренивая коня»!

— Лихой — У Германа шарогресь глаза. — Иную возможность дач человеку! Поинвай — все исполнитесь.

— Балдага! — воздушно я, вспонив Ревала и неуемно симаншующую иону.

— Сабдан! — зло сказа Герман, — На что тебе могустьство? Сказываю.

— А что бы вы сделали?

— Мало ли... Герман поинка плечами. — Нашел бы средство для лечения рака... Синтезатора белок... Или отырыл залежи нефти, вилонина три лет вперед. След бы оставил на земле, поинвай?

— А лично для себя?

— Герман сиял очко, глаза его затуманились. — Круговестное пуствешество, — почти шепотом, словно доверил большую тайну, сказа он: — Я финштурьский дальнего синием мого бригантиний поднимателю.

— Он поинсил на меня, надав очко и платно надувал на лбу фуражку, Замыла, — напуганное Брюси.

— Вам такое писать не положено.

— А что положено?

— «Этот простой советский парень с открытым, известным лицом... чутз занался, Начал Герман, и мы дружно расхохотались.

— Холуйно! — напуганное Брюси, сказа он. — Если бы я ты так работала, как про это пишут, — моймох бы обросли! А мит не нини,

а высший пилотаж. Нервные просят не занитесь!

— Вы-то занитесь! — не удержалась я.

— Специфика профессии, — отмахнулся Герман. — Угодия поинио трени ридати. Три зарода взорились.

— Он по-малышнички лукавил и рисовал, а я смотрела на него и думала: неужели это тот самый?

— Лоду бурозую сорос семь рвал котлован. Десть зардоо улониио трени ридати. Три зарода взорились. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

— То, что произошло потом, не было подвигом. Специфика профессии, как говорит Герман. Брваннин Телитиным. Оставные задаливо земля и липной, тучка граало.

В новгородских газетах 1936 году, вскоре после того, как Николай Островский был награжден орденом Ленина, был опубликован не совсем обычный приказ наркома обороны — призвать снова в ряды Красной Армии как военного корреспондента писателя Николая Островского с присвоением ему звания бригадного комиссара. Юноша и девушки буквально засыпали в те дни писателя письмами. Вот одно из них: «Дорогой Николай Александрович! — пишет девушка-комсомолец. — Вы, наверное, единственный бригадный комиссар, который не знает, сколько бойцов в его бригаде! — ведь это же все комсомолка нашей страны, да и не только нашей! Комиссар комсомолки — таким он живет в нашем сердце: возмущаясь по поводу, пламенный, вечно юный.

Певец молодости, Островский яростно ненавидел все, что угрожал ее свободе. Он звал бороться с врагом человечества — фашизмом, «Если не придется мне быть фашистом верной моей судьбой», — говорила Островский, — то буду разить их словом! Ну, а если мне самому уж не доведется разить фашистов боевым словом, пусть товарищи мои, советские писатели отомстят вместо меня фашистским подлецам... а книги мои, надеюсь, смогут, что называется, войти в долю в этой общей борьбе!» Вряд ли писатель предогадал, насколько велика окажется эта доля.

По судьбам лежит «Как закалялась сталь». Эту книжку достал из горящего танка капитан Вой-

новский, взошедший в Испанию в тридцать шестом году. Тяжелст как самог дурого, взял книгу в бой. Романа Островского зачитывался до дур бойцами республиканской армии и Интернациональной бригады, которой командовал друг Островского, легендарный генерал Лунак — писатель Метэ Залка. «Как Мадрид держится! — спросил, умирая, Островский. За тысячи километров от Испания, в тикой московской квартире он сражался и погиб за Мадрид.

Говорит, что истинный писатель тот, кто необходим народу даже в минуты величайших испытаний. В дни Великой Отечественной войны мужество Островского не закиривалось. Иногда с фронта в промерзшие комнаты приходила выхлопная труба с указанием пламенной почтой. В одной из таких писомк была зашита кровля книга «Рожденные бурей». По кровлюю штыгу сбегали нервные строчки: «Дорогие друзья, истите за кровь друга, нашего любимого Анатолия Заброского». Потом повалился в музей иреченное пулями маленькое знамя, автомат, окровавленный комсомольский билет — достояние тех, кого за мужество боины прозвали «коричневцами». Появился и портрет кивого летчика, Героя Советского Союза Тимур Фрунзе, отдавшего жизнь за Москву. Собираюсь в боевой вылет. Тимур всегда брал с собой «Как закалялась сталь».

Когда мы стоим у стендов, заглядывающие эти священные реалкины войны, я вижу, как сержанты, становятся строже и старше лица ребят, при-

езжающих сюда со всех концов Союза. Мне кажется, здесь, они безмолвно принимают эстафету мужества от своих старших братьев.

Никогда не излагается из их памяти лицо Героя Советского Союза матроса Григория Куропятникова и фотографии встерзанной книги. Они вместе совершили бессмертный подвиг — человек и книга.

Это было в тяжелом сорок втором. Катер Черноморского флота «СК-065» сопровождала большой транспорт с оружием. Оружие ждала наша часть. Но транспорт обнаружил немецкая разведка. На катер обрушился шквал огня: вражеские корабли атаковали его со всех сторон, самолеты то и дело заходили на бомбежку. Морские ребята держались до последнего, пока не поймают помощь. Почти вся команда была перебита осколками рвущихся снарядов. Григорий Куропятников был единственным уцелевшим пулеметчиком. Осколком по ладню ему оторвало правую руку. Он продолжал стрелять левую. Помощь уже была близка, но в это время по катеру пополали клубы дыма: это вспыхнули на корме дымовые шашки. Григорий вспомнил, что под вышибами лежит большой запас гудинных бомб. Если огонь доберется до них, все конечно. Тогда он оставил пулемет и пополз к корме. Шашки были прикручены к лавубе веревками. Григорий тштно пытался их отыскать левой рукой. От потери крови в голове мутилось. А огонь пробирался все ближе. И Григорий решился. Закуривая, он подале глумо в пла-

М. ПИСТОЛЯКО,
энкурсовод музея
Н. ОСТРОВСКОГО.

КОМИССАР КО СМЕРТИ СРАЖАЕТСЯ

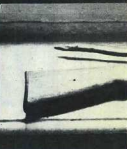

Уже давно хотел написать эту книгу, но не было времени. Теперь же, когда я уже не верну, пишу ее для своих друзей. Пусть эта книга будет для них как напоминание о том, что такое мужество и героизм. Пусть эта книга будет для них как напоминание о том, что такое любовь и верность. Пусть эта книга будет для них как напоминание о том, что такое долг и ответственность. Пусть эта книга будет для них как напоминание о том, что такое честь и достоинство. Пусть эта книга будет для них как напоминание о том, что такое слава и бессмертие.

Эту книгу я написал вранке, комиссар Народом глз Бортоз в 1936 году. Она читалась ввешнее с нами воевая вут. Ее читали Наши танки и в бойца 12 дивизии бригады ген. Лукина — Митя Залка друка — Ч. Савинский. Качетий реуеуи. армия

СУДЬБА ТОМКА НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Томка Николая Островского... Судьба его была трагична... Он погиб в Испании в 1937 году... Его смерть была великой потерей для нашей страны... Его творчество останется вечно живым... Его книги будут читать и в будущем... Его подвиг будет примером для всех нас...

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

В этом году исполняется семьдесят лет со дня рождения выдающегося советского кинорежиссера и писателя А. П. Довженко. С его именем связаны целая глава в истории советского и мирового кинематографа. Творчество Довженко необыкновенно самобытно и значительно, ему свойственны свои, неповторимая интонация повествования. Фильмы «Земля», «Аэроград», «Щерб», «Поэма о море», «Повесть пламенных лет» завоевали признание во всех странах мира. «Земля» вошла в число лучших фильмов всех времен и народов», безоговорочно признанных в 1929 году на международном пленуме в Кинотунисе.

Секрет успеха Довженко очень точен — раскрасил украинский писатель О. Гончар: «Довженко всегда высил насчитываем всего человечества, но при этом никогда не утасал в его груди огнем любви к родному народу, и родной земле. Он по праву принадлежит к числу тех, о ком мы говорим: народный художник, или, еще точнее, художник народа».

Важное место прошло со дня смерти Довженко. Его имена Ю. М. Солнцева, известная актриса и кинорежиссер, продолжила его труд. В архивах Довженко осталась огромное литературное наследие: сценарии, воспоминания, записки будущих картин, дневники. На этом материале Солнцева поставила «Поэму о море» и «Повесть пламенных лет», эти же материалы легли в основу ее нового фильма «Зачарованная Десна».

Новый фильм Солнцевой — яркое кинопоэзию о детских годах Александры Петровны, который ро-

дился на древней черниговской земле, у берегов Десны. В сценарии нет вышатажных событий, но в то же время он парадит своей энциклопедией, современностью содержания. Все произведение делится на две части. Первая — мир, показанный через впечатления шестилетнего Сашко, вторая — воспоминания и рассуждения Сашко, теперь уже немолодого полковника (артист Е. Самойлов), пришедшего во время войны освободить родное село.

Бурное значение в фильме имеет образ тильды, злудливой Десны. Довженко очень любил реку своего детства. Он называл ее Зачарованной. Она и в самом деле танц в себе какое-то колдовское очарование и ранним утром с розовою от восхода соли туманом, и жарким полднем с быстро бегущими по воде бесчисленными тонким облаком, и тизня голубым украинским вечером с але обрисовываемыми контурами леса и хат... Десна! Это не просто красивая пейзажи, это состояние природы, пронизывание ее таинств, это как бы мысли и чувства без слов о вечной красоте жизни, о гармонии человека и природы. Может быть, на одно мгновение вы увидите на песчаных откосах реки силу мальчика, бегущего с распростертыми руками или задумчиво стоящего, очарованного красотой реки... Так задумала Солнцева фильм.

— Я мыслю «Зачарованную Десну» как фильм изумительно поэтический, наполненный народным юмором, интимными воспоминаниями, — писала Юлия Инвентова в режиссерском сценарии.

Съемки начались в Соснице, на

Черниговщине. Здесь сохранились на берегу Десны, валежные лапы Довженко, с огнями, выросшим почти в землю, все в цветущих вишнях. Это мир маленького Довженко, мир поэтический, гиперболизированный, мир фантазий. В этом мире живут сильные, щедрые люди, с добрыми руками хлеборобов.

Трудно было Солнцевой найти исполнителя на роль валежного Сашко. Много претендентов было отобрано. Но однажды, откликну на предложение Черного моря, режиссер фильма Л. Басов случайно обратил внимание на шутливую нагугу Босонига изгорелых вышаташек, приютившихся неподалеку с удочками. Наметанный глаз кинематографиста сразу увидел одного, белоглазого, синеглазого, с оторванной улыбкой. Через некоторое время Басов и его новый знакомый, Вова Гончаров, стали неразлучными друзьями. А еще спустя несколько дней Вова был утверждён на роль Сашко. И юный киноактер отпраздновал с мамой на Украине, на своем первом съемку.

Здесь, в Соснице, хорошо помнит Довженко. Шестые жители расказывали Солнцевой о юных годах Александры Петровны, о его родителях, об истории родного села. Многие жители принимают участие в съемках. Так, престарелого деду Семена играет земляк Довженко Евгений В. Протаский. В роли отца маленького Сашко — артист А. Бондаренко; дедушка — Эмиль Мирненко. Встречи, беседы, воспоминания велись помимо съемочному коллективу, передают атмосферу прошлой жизни, народные обычаи, образы. Для эпизода маюв-

И. Перевезев в Е. Самойлов в фильме «Зачарованная Десна».

Р. ПОДОЛЬНЫЙ (ИСТОРИЧЕСКАЯ РАССКАЗ)

В книжечку ланное было шумно, как всегда по четвергам в этот час. Со своей столы сообразил сюда писатели и журналисты, чтобы обменяться мнениями по поводу очередной литературной новости.

— Одно не понимаю, что тут могло повлиять Василью Андреечу, — жаловался говорил высокий красивый мужчина. — Оно, конечно, и ясно, и логично, и остроумно, за ведь читать все равно неинтересно. Попотрохился пугор с печатаньем. Все светело на живую нитку.

— Я и вас не понимаю, — полагал ланное его соседа, — Вы так сплюсннно говорите об этом пототрохном недоноске! Что автор сделал с русской историей? Читатель видит ина кня-

зя Владимира, ему хочется того времени, того быта, тех людей. Чувство! А тут Иван Муромов, Добрыня, Чурило! — вступила в спор третья, известная поэт, — есть, конечно, в поэме истинные поэты, выдумки, выдумки, мужские рифмы, одна...

— Фу, о чем вы Народишты, народности здесь нет!

А Василью Андреечу понравилась. Но что? Ни мысли, ни чувства — одна чуждость, чуждость. А вы слышите! Сплошные думсмысленности. Истия и неистия женщины выдумки, похвалити, в одной сорочке! Даже холмы у него нагале! А ведь потомки могут

задумать судить по всему этому о нашем искус!

И тогда кто Муриднее читать сию итальянскую смену с своим именованьем!

— Да, онять-таки слажу: главное — нет народности. И откуда же подбегание пришло в русскую литературу? И откуда же еще подбегание баблунки слышал. Но зачем их решать плоские шутки старинны?

А я составил список из дождиков по поводу всяких несурасностей в тексте. Сочинил я их на один не смею ответить!

— А вот Василий Андреечу, — выслушав, ответил он просто, у него вверху уныет. Я сейчас всех примыкаю, а истинный образец стиля поэмы. Дие

ЖЕУДУЧЕИ ДЕТ

*«Он не вернулся.
Мне в жимах
считается, числится по спискам».*

Усами он мог повторять одну и ту же строку. То повторял слова, то менял ударение или интонацию. Это было похоже на заклинание. И кто забудет, не выдохнула, кричал: — Юрка, князьница! По связистам правились, что с ними много живет в землянке такой же, как они, солдат, вместе опостылевшую катушку, подлатать кровь прохода в поисках пороха, дежурит, задремывая с телефонной трубкой. Такой же, а вот чем-то и не такой. Наделенный даром стихосложения.

СТРОКА, ОБСЕРВАЦИОННАЯ

И когда он, сдвинув на затылок замусоленную папку, проносит: «Вратки, слушай...» — треп стихает и мрачноватый отделившийся отрывок цыкает на не успешных сразу замолчать: «Прекратить разговорчики!»

Однажды в такую же минуту я попал в землянку связистов. И сразу понял, что присутствую при чем-то торжественном и не совсем обычном, понял прежде всего по сосредоточенному и отрешенному выражению солдатских лиц. Так слушают только музыку и стихи.

Я быстро подгуздился с Юрием Уткиным. С ним, неулыбавшимся, добродетельным, нетрудно было сойтись. Его толстые, чуть вывернутые губы расщеплялись в улыбке навстречу каждому.

Обычно мы вместе толкали на марше. Юра то и дело хватал меня за руку:

— А вот это помысли?

Или иногда тут же, припроронившись к шугу, импровизировал. Если строчка или четверостишие удавались, он повторял их несколько раз, чтобы потом прочитать ребятам. Близко нет, не, запятой не приваливал.

— После войны предвд домой, заперс на неделю, все переписку. И пожаулуста — полное собрание сочинений Юрия Уткина... Мне без него никак нельзя, с другим Уткиным situated.

Когда я вспоминаю свои студенческие и военные годы, то вижу: молодость моя и многих моих сверстников повята стихами. На литературном факультете Института истории, философии и литературы, пожалуй, потов было больше, чем

никогда. И если очередной выступающий на собрании или митинге начинал говорить стихами, это несколько никого не удивляло.

Помню митинг в битком набитой пятнадцатой аудитории ИФЛИ — началось фисная война. На кафедру, с которой древние профессора читали лекции о древних литературах, легко всколых гибкий, тонкий юноша в потертом свитере пиджак бледный, губастовый, большеглазый. Расстегнул на знаменитых галстука ворот рубахи, смолстая прады падает на кривой лоб. Юноша читает стихи, читает громко, напористо. Так, что каждое слово доносится до последних, криво улыбающихся к потюку рядов.

То были стихи о Родине, о великом будущем, ожидавшем ее. Они напечатаны лишь в 1963 году. По еств в них строчка — ее еще с той поры запомнил каждый. Они, словно пароль при встрече бывших студентов ИФЛИ:

— Но мы еще ущем в бо...
— С мужественной гордостью и силой бросил ее в затихший зал Павел Коган.

В словах этих не было ни тени жертвенности или нотки обреченности. Было провозглашение жестокости предстоящих боев, тяжести, которая выпадает на долю народа.

Прошло совсем немного времени, и от Михаила Луконина, вернувшегося с фисной, мы узнали, как на Петропавловском направлении погибли студенты Литературного института — русский поэт Николай Отрада и украинский Арон Коштиней. Белофисны окружили завод и потрогали: «Сдавайтесь!» Николай крикнул: «Москвич не сдаются!» Ввод прорвался. Но Отрада

остался на снагу. Тогда Коштиней схватил волокушу и пошел за телом друга. Снайперская пуля обожгла плечо, но он продолжал ползти. Вторая пуля попала в голову... Вест о гибели Отрады и Коштиней принес комсорг батальона Павел Воронцов.

Пройдет еще год с небольшим, и студенты ИФЛИ, будущие поэты и прозаики, критики и переводчики, сгрудятся вокруг стола все в той же пятидесятой аудитории. Здесь записывают добровольцев начальной нескольких часов туда назад Великой Отечественной войны.

Война разбросала ифлильских поэтов по своим разгнущившимся через всю страну фронтам. Где-то на Севере — Сергей Наровчатов, а на Черноморском побережье — Павел Коган. Здесь, под Новороссином, один и погибнет, воодваляла развугруппу.

Я попал в Особую парашютно-диверсионную бригаду. Вместе со мной в отряде мои одноклассники — Семен Гудзенко и Юра Левантиский. Армейская жизнь, как известно, нередко начинается шарлом по кухне, особенно для тех, кто привык к студческой кухне.

Всю ночь мы чистим картошку. На кафельном полу горы замусоленной изнавоющейся шехуа, едва не в налет толщидной. В по-ночному притихшей кухне звучат стихи, звучит глуховазкой с подьялом голое Семена и метеридый басок Юры. В чан с водой падают белые картофелины.

Однажды случилось так, что Гудзенко попал на гауштахту, а я был приставлен к нему часовым. Собственно, могло случиться и наоборот.

19-летним Луиджи, сыном потомственного рабочего завода «Фиаат», стрелась беде: кисть его правой руки попала под электроток. Вскоре он ушел в госпиталь больницы от заражения крови. Через неделю после похорон сына на Зирно Равелли — отца Луиджи — получила письмо следующего содержания: «В эти тяжелые для тебя и твоей жизни минуты, настаиваю на проведении, мы хотим своим сочувствием облегчить твои страдания, Зирно...» И одновременно послана в душе твоя кисть гнева, несправедливо направленные против виновных виновных твоего несчастья. Кто они, поэтессу? Правительство? Фабрикант

господин Сиамени, у которого работал твой покойный сын? Нет, не думаю так! Твоего сына убийла индустриализация — это зло и благо нашей эпохи. Рост техники неизбежно влечет за собой увеличение количества увечий и смертей. Подумай хорошенько над подобной закономерностью, и подавай свой гнев. А если тебе будет худо, позвони по телефону 682153. Мы постараемся помочь тебе обрести душевное спокойствие...
...Студент Карло Винари вынужден был бросить учебу в техническом училище. Он старший в семье, его мать и отец больны. Карло тоже получил письмо, в котором содержится совет не гнетаться на «привременные» («фатальные силы цивилизации».

Тысячи интелли Милана — рабочих, ремесленников, заводивших нужной и болезненной — получают подобные послания. На всех конвертах стоит один и тот же обратный адрес: Милан, 14, palazzo Талеуццо, «Мир-инес». Что же срывается за этой таинственной и малопонятной подписью? И кто такие эти непрошенные «адресователи и сочувствующие»? Бесеть лет назад петроградский священник Вардан создал в Лондоне кружок, так называемый «душевное внимание», который дал «душевную» взгляду туманное название «Мир-инес». Расшифровывается оно следующим образом: в результате распространения по всему миру «душевная помощь» люди живут в день инес обретут «душевное спонийство».

У нас были разные основания для ареста. Во время воздушной тревоги мы не слушали в бомбоубежище. Семен сидел в стеновом шкафу, я, греховная женщина, — на коврике. Дежурный обходивший казарму, привычно вынул ручку шкафа и извлек оттуда ефрейтора Гудзенко. Койка он иazole не стал occupat.

И вот, самоотверженно проползая в бронежилет, я торчу с тобой у казармы, где свои праведника сидит Семен. Друг у просыпается, несколько минут снова решительную дурь смотрит на меня. И сразу все понаметает...

— Пугаешь?

— Ага.

— Хорошо бы лицо холодной водой...

— Может быть, посетуются крепкой кофе?..

— Не влится. Хочешь сказать? Черт с тобой!

Он спускает с нарбосом ноги и читает Блюка, Киплинга, Тютчева. Потом — свои.

Зимой под Сухинками Семен был тяжело ран осколком в живот. Миша разорвался на подкожных, когда вылезший отряп разослежался обездать. Его отстранили в госпиталь, кажется, куда-то под Рязань, откуда изредка приходила почта.

Гудзенко вернулся лишь летом, в застеночной роскошной гимнастерке, перекрутым нарушником ремешком, браслет, несмотря на природную смуглость. Выглядевший всегда глаза эльзю бледными. Он обинился в казарму. Он вылезал в туалет и коротко отрывал: «Жань», «На заданье», «В госпитале», «Новостие», «Побег».

Потом мы сели на подкожные, и Семен без

жалги: «Если хочешь, ашину и вышло еще по чести полешой летать либо черук зубот доловения».

— Семен ушел и ушел.

— Как Минюловской дией. Серканти молчит. Я отправился на поиски, кто не знал его фамилия, знал только нол и батальон. Замолнат батальон сразу соорбил, а кон рече...

— Был?

— Прямое попадание. Ни серканти, ни аккордеона... Так-то...

Редактор дивизиона тоже была стала. Мы сели на подкожные, на первую полосу. Ночью — матке, жирническа. Оис частично шли на вторую полосу (третьей и четвертой дивизионе не полагаюсь), частично в тоистую тердаль. Редактор се шитая в добротную полосу... Мы сели на матке. Редактор был кадровым, получившим их еще до войны. И хотя редактор был кадровым, уважал дисциплину, однако из-за врожденного характера и вспыльчивости с начальством не востил ладки. Переход он возвращался от начальства и нервно выматывал по избе, длинноногий, в короткой шинели. Набросил, сына крутой нрав редактора, в такие минуты не лезли с сопереживания, а в метршашки «сидели», как на матке.

Редактор сбрасывал шинель, шел в свою квартиру, где стоял радиоприемник, и... строчил стихи. Спусти час-другой он появлялся в нашей комнате остишим, чуть смущенным, надаяла шинель и шел вон.

— Пойдём пройдемся.

Дальнейший ход событий и последующий разговор мне уже были известны.

— Ты все-таки чему-то на лютянке учишай?

Хлеб что ты можешь опинать ладки!

Редактор был старше меня тогда на четыре и на три ступеньки опыта в знаниях. Для того возраста и для армии это все же дистанция. Но по молчаливому соглашению при разговоре о стихах оба отнеслись к безобразности. Редактор — авторитет редактора во всех газетных делах. Он, правда, с некоторыми оговорками — мой авторитет в литературных вопросах.

Когда я рассказываю редактору о Юре Утинке и пытаюсь в память несколько стихотворений, он образловался:

— Слушай-ка, ты ж талант! Вот уже у нас второй дивизионный поэт. (Первым считался фельдшер Толя Афанасьев.)

— Почему же второй? — искренне удивился я.

— А ты?

— Слушай-ка, — моментально побогвер редактор, — если ты там учишай и не доучишай на каком-то лютянке, то вообрашайся, что можешь изловить наглаго моего несоответствующего начальником, который к тому же значительно старше тебя по знанию?..

Как это бывает с людьми испальнившими, но справедливыми, редактор быстро отходил, легко забывая обиду, особенно никемую.

— Слушай-ка, а может, это в роту שלך не прещатца, чтобы поближе был? Ты с него глаз не спускай.

Но я и не собирался спускать глаз с Юры. И для этого вставил перед собой несколько посредственного начальника, а просто Юра мне нравился по-человечески и нравилась его стиха. Только совсем недолгой была наша дружба, и образловал она по-фронтальному трагично.

Сейчас я вспоминаю с интересом и восторгом солдцев белых городов Саяно. Немцы не оказывали серьезного сопротивления, и четвертое августа 1944 года могло стать одним из нечастых

на войне светлых дней. На рую у Юры вилела где-то или найденная новая немецкая пехота.

— Договорился с ланом портым. Обещает за три часа галфе сварижить. К лину лую нову Красной Армии и драмных портках ходит!

— Лино здесь ни при чем... отпустишь я. Нам было беспринципно везело, мы не ждали худу. Пусть наш портовый шлет Юре несобятые галфе.

Но случилось неожиданное. Неожиданное не только для нас, но и для командования. Группировка вояк, впрочем, не успевая вылезти из лу, вырвалась из кольца. И на дороге, по которой только что прошла наша пехота, наши обозы, машины с медсанбатами девчатами, вскарбавившимися на троих и сложенные ланатики, на короткой остановке выскочили из кольца по мохлятым дождикам и остриженным хвостикам тапиди гофрированные брек полевой хлебопекания, скатились с гор немские танки, бронетранспортеры. И замесались, замесались отпоявляющиеся гусеничные гусеницы, ударили — да в упор! — немецкие пушки.

На следующий день я снова шел по этой дороге. Газбитые грузовики, разваленные поклади, вонючие пакеты хлеба, рассыпанные по дороге оски, колесо со сломавшимся спицами. И на всем темпо-бурно пятла.

Тело Юры Утинки я не нашел.

Давидать лет — немалый срок. Я типично типично вспоминаю стихи, которые мне читал Юра. Он их не записывал, и я не записывал. Остался лишь наматать о человеке и наматать о стихах. Для меня имя Юры Утинки стоит в том же ряду, что имена Гудзенко, Павла Козыга, Николая Майорова, Михаила Кулиничко... А может быть, он бы и не стал поэтом. Как זאת? Но для меня и был тот солдат, что тогда сидели в землянке, он был поэтом. И ему принадлежат особые воспоминания, сошедшие в Ашину лану.

На моем столе все время поднимается стопка книг разного формата, разных изданий, с несложными переплетами. Вот в глинянчатых корешках: «А. Красный. Улыбка солнца». Над фамилией — портрет Михаила Кулиничко. Внизу: «Петербург. 1919».

А рядом пухотной картой: «Имена на перевеке — оборки», изданный «Молодой гвардией» в 1963 году.

Вот в книжной стопке — папка с вырваными, писмами, блокнотами, копиями документов.

Я перебрал книги: Алексея Лебедева, Евгень Фомин, Иосиф Уткин, Михаил Троицкий, Ритатус Моисеевич, Георгий Суворов, Александр Гайрилюк, Женя Алтаушев, Кость Герасименко, Юрий Игте, Алл Шендукон... Почему они лежат вместе, что объединяет столь непохожих друг на друга поэтов? Одно — гибель в Беллех Отечественной войны.

Поэты — они стали нехотицами и моряками, саперами и десантниками, артиллеристами и автотюпачиками, партизанами и подпольщиками, штабными командирами и фронтовыми газетчиками. А иные наоборот: сделавшись солдатами, стали поэтами.

Я перебрал книги, листал бумаги в папках. Нет, их было всего не несколько человек, как в том же ряду — Алексей Лебедев, Александр Космопоминский. И это были не только люди моего поколения, как мне самому казалось до поры до времени.

Передо мной открылся десяток стихов, поражающих многообразием человеческих и творческих путей, многообразием героизма.

Об этих судьбах, подвигах, стихах и предостоят вести тебе.

ВЕСНА

ВЕСНА

Он не вернулся. Мне в январь считались, числясь по списком. Но с кем я буду на двоих делить судьбу — с кемисним ризом? Ни яри мну дружно берогни. Как поистини берогут окрованенной земли, когда его в блок берет.

Война развала Юра фляйскую тропку. Юра пошел в одну часть, а я — в другую. Семен остался в бригаде. Однако юному-по-прежнему несла вместе с нами армейскую службу.

Еды ли не повозку солдатской почты дивизионной многократно составляли стихи. Иногда неумелые, ноковые, иногда располненные тяжеловесными штампами. Но подчас прорывалась такая чистота, искренность и страстность, которые ни в раз переживавший недостаток на стеновом шкафу — в основном считывался по дню.

Както в избу редакциии запис серканти с трофейным аккордеоном.

— Песню придумал. Слова мои, музыка народная.

И начал.

Песня жанр по-настоящему поправилась. И мы решили напечатать ее в дивизионе.

— Да и ж ее во несал, — рассмеялся сер-

ших свести свои счты с минью...

Вскоре в Верне (Швейцария) была создана штаб-квартира организации, руководителем которой стал священник Раймонд Мартин. Отсюда начали распространяться по всему миру печатные материалы духовных объявлений, здесь готовились наряды для римских рабочих.

Миланский филиал «Ира» имел в своем распоряжении и вилет лядцо Тьявуццо — резиденция этой организации — каждые шесть часов сменяется с Ашину лану «чуждой помощи», в которую входят врачи-специалисты, а также священники. Не обязательно являться сюда, можно позвонить по телефону 088213.

«Мы не требуем от те, кому по-

можем, ни предъявления паспорта, ни уплаты денег», — говорит Зиндио. Члены его «юнаки» ходят по квартирам оправленных районов, высматривают недоверливых, озлобленных, недовольных.

Когда рабочий Нино Бартоломео обратился за советом и «новиде Зиндио», как вести себя в заводском коллективе, решившем бастовать, Зиндио ответил: «Ваша задача — остаться полюбовно с предпринимателем, забастовка — анахронизм, а участие в ней — противное природе явление».

От трехсотых детей, малому слушанию пациту, которому нечем было хоронить, люди Зиндио посоветовали: «Ваша задача...»

«Ирина задача», — говорит Зиндио, —

включает в число дел опинение как можно больше молодежи. Ведь душевное здоровье молодежи — это гарантия успеха в будущем».

«Ира» не ограничивается только словесными декларациями. Нарядо они выдвигают и конкретные свои последние денежные ассомо-демонстрации в размере 100 по-другой яри. Денежные фонды фонда решают о помощи жертвам частных лиц, стремящихся преодолеть победу кон-...

«Юнакиа Зиндио» продолжают свою работу, собирая деньги, чтобы иметь право, одержавшие капиталистическое общество...

Направные хлопоты! Р. САМОЙЛОВ

ПОЖАР НА МОРЕ

Бор. СЕМЕНОВ

Капитан «Бородина» обернулся мгновенно и резко, сразу ощутив, что происходит нечто необычное и невиданное им, старым капитаном, за долгие сорок пять лет, которые он провел на море. Кто-то победил на море и начал слусать флаг. Флаг был обычным куском материи, выгоравшим под палящими лучами солнца и истрепанным солеными ветрами Атлантики.

Капитан сказал это, сморщив губы:
— Поднять флаг.
Флаг попова вверх. По нему полыхнула солнце. И теперь все увидели его такни, каких всегда его знал капитан: алмаз, третейным, сверкающим,

словно был он сделан из шелка парадных знамен.
...В кают-компании набилось уже человек двадцать. Это были моряки. Показали, они лучше других знали беспощадную силу пожаров на море. И приехали они сюда потому, что «Бородину» предстояло гореть. Старому кораблю выпало сегодня исполнить свою последнюю службу: в его пламени люди должны были найти способ навсегда избавиться от огненных трагедий на воде.

Эксперимент — пожар. Я думал об этом, сидя на каком-то чурбане. Рядом принеслись задно собитый человек. Мы разговорились. Он назвался Ассоровым. Я слышал, что Ассоров

считается «богом тушения» на наших

мореях.

— Вы масштабы морских пожаров представляете? — спросил Ассоров.

— Весьма приблизительно, — сказал я.

— Тогда почитайте недавною речь Лоренцо Траверсо. Он знает эти дела. Ассоров раскряхтел палу и достал тоннае листочки с машинными тентом. Итальянец Лоренцо Траверсо говорил:

«Синьоры! Я приведу только несколько цифр. На сто плавучих кораблей в течение года один имеет тысячный пожар на борту. Ежедневно загораются по крайней мере один корабль водонамещением свыше 500

тонн. А сколько в мире ходит судов меньшего тоннажа?

Мы потеряли в 1961 году корабли общими водоизмещением 127 тысяч тонн! Вдумайтесь в эту цифру, señores!

На морях ежегодно погибает до 200 тысяч человек. Примерно двадцать процентов судов, затонувшие 50% — это суда, гибнущие от пожара. Значит, полярники уносят тысячи и тысячи жизней.

За последние полвека мы создали очени много, чтобы обезопасить суда. Были созданы и термостатические предохранители, и термически сигнализация, и дымовые автоматические системы оповещения о пожаре. Мы

строим корабли, оборудованные отнюдь самым совершенным оборудованием.

И что толку, señores? Я хочу вас призвать к тому, чтобы мы вновь пополнились людьми, кто не уронит нашего морского престижа. Иначе... иначе наша авиация будет превращать водоизмещение наших кораблей...»

И вернул листки Ассору.

— Грустно! — спросил он.

Неизвестно. Зачем лопаться в открытые двери? К чему придумывать новые способы борьбы с огнем? Не проще ли предотвратить самую возможность возникновения пожара? За последние годы создано множество всевозможных противопожарных материалов. Стройте из них корабли.

— Отлично, но... Как вы думаете, если прямо с сегодняшнего дня строить неогнестойкие суда, тогда пожары на море станут нечастыми?

— Да, конечно, через три года.

— Это на новых судах, которые вы предлагаете создавать. А что придется делать с кораблями, построенными вчера? Ведь все судия — полена.

И не сдавался:

— Но, señores, как правило, устраняют люди. Иддите какие-то правила, продуманные и строгие инструкции.

— Правила — это верно. О них думал еще адмирал Нельсон.

Ассоров будто бы знал, что ему при-

дется меня просвещать. Он опять пошел в ванну и достал оттуда новые листки. Там значилось:

«Правила и инструкции по службе в порываемом флоте.

Капитан должен безусловно запрещать ставить свечи у бумсов, огоргов и других частей судна.

Он должен настоятельно попросить своих офицеров не пить в туалеты при свете лампы или свечей и не оставлять свет в каютах без надзора.

Капитан должен самым авторитетным образом следить за выполнением отдаленных им связей жесточайшим образом. О том, что спиртные напитки не должны открываться или переноситься на судно иначе, чем на верстой палубе и в дневное время.»

— Эти правила Нельсон диктовал в своем лондонском кабинете осенним вечером 1806 года. Адмирал писал при свечах. Тень адмирала на стене назвалась масляной пропойка. Он повернулся и адресовал:

«Тысячи пинтосот английских моряков, погибших в сражениях за последние четыре года... Не правда ли, дорогая жена, за мужеством британского флота? Уны, и через сто лет покаяния на морях будут уносить тысячи жизней.»

— Как был прав адмирал! — Ассоров вздохнул. — Ровно через сто лет после выхода «Правил» пошел на американский лайнер «Генерал Слюэнс» 1 021 человек.

— По-вашему, Нельсон не верил в то, что правила будут выполняться?

— А вы слышали, чтобы какие-либо правила выполнялись на все сто процентов?

В возникшем споре мне пора было отступить. Но сразу показавшая слезу не хотелось, и я начал постепенный отход.

— Но хотя бы куренье на кораблях запретить можно?

В кают-компании раздался дружный смех. Видно, нас уже давно слушали.

Вы жалопикаете старшона с «Морна Филлиппара», — сказал кто-то на правого угла.

— А что старшона?

— О, это легендарная история! Хотя дело вовсе не в старшонах.

— В 1932 год «Жорж Филлиппар» шел на Сайгон, держа курс на Марсель. Старшона вел занятия со сподручными от вальты членами экипажа. Страстной любовью адмиралетан он писал на грифельной доске колонии цифр и говорил:

«Нора запретить куренье пассивно. Но время нашего рейса они выкурят 300 тысяч сигарет, 300 тысяч раз чирнуть спичками или зажигалками, столько же раз попадет огонь. Итого 600 тысяч операций, 600 тысяч раз игра с огнем. При каждой операции будет выделено 17 британских тепловых единиц. Значит, пожарный потенциал от курящихся составит 10 миллионов 200 тысяч тепловых единиц. Переведем эти цифры в метрическую систему. Одна британская тепловая единица — это 1055,06 абсолютного джоуля. Подумайте только, курящимся «производит» на нашем корабле 10 миллионов 761 миллион 612 тысяч джоулей. Этого тепла достаточно, чтобы сжечь Париж.»

В 2 часа 10 минут «Жорж Филлиппар» находился в двадцати милях от мыса Гвардафуй. В тот момент кап-

1960 год. Босфорский пролив. Уже неодоле горит югославское судно «Петр Дзюванич».

Сегодня они не пойдут в пламя. Они лишь посмотрят, как совпадает с ним пена.

тан танкера «Советская нефть» Алексеев увидел «Филиппар» и сплыв дым над его палубными надстройками.

Капитан задумался. Было над чем. Сдав груз, он только что начал заполнять танки балластной водой. И танках были сотни кубометров газа. Инструкторы загрохотали дить на командо «Филиппару». Идти и «Филиппару» значило рисковать. И ворахали, и командой, и собственной жизнью. Но он взял курс в горющую судну. Там царил огонь и паника. Огь борта, гонимые волнами, отгонили пустые шлюпки. Люди кидались в палубу в океан.

Наступала ночь. На фоне темнеющего неба «Филиппар» казался гигантским костром, на три-четыре километра распрямившим искры.

С борта «Советской нефть» спустились шлюпки. Одну... другую... четвертую... восьмую...

Начался отход. Шлюпки уходили на окраинных волнах. Но люди на ступенях. Так продолжалось до утра. Потом дождичка. 201 пассажир и 106 членов команды «Юрора Филиппар» были подняты на борт «Советской нефть» Алексеева, кто-то выжил.

«Все молчали. Наверное, думали о том, что Алексеев, кто-то выжил...»
— А вообще танкер потонул тихо-тихо?

— Спросил об этом потому, что помню вид здесь не помню. Ни другая она превращается в зловещего ярага. Горющая нефть всплывает на ней и растекается все дальше и дальше.

— Можно или нельзя? Это уже не вопрос! — произнес, кто-то зычным голосом.

— Это Примакос с Черноморья, — тихо сказал мне Ассоров.

А Примакос продолжал:
— После «Волгофлота» спорить нечего.

Расказал Примакоса и дословно записал в блокнот:
«Около полудня 23 марта 1962 года врос Ньюоркский сразу услышал гром беды: у литого ярага взорвался танкер «Волгофлот». Первая лавина карьера потонули в реве трещот, саже, водног.»

Вухта кипела. Суда стремительно уходили отсюда в море.

«Волгофлот» потонул. В его танках было 3 400 тонн сырой нефти и 400 тонн мазута. Танки эти — самые большие шестистоповые танки сырой палубы, бумажки в танках. Угроз сплывающей карьера нарастала с каждой минутой. Начальник отряда Колманович знал это. Он представлял, как рванет танкер, как все летит к чертовой матери и металлические конструкции и человеческие тела на палубу было сто человек.

«Всем поминуть палубу!»
«Всем сплываю с места.»
«Всем кригит.»
«Вот я вам!».

А сам подумал: «Молочный» в 23 часа 03 минут всплывала палуба над тридцать вторым танком. Три-четыре карьера выскочили из воды людей. Но они вновь пошли в атаку на пламя. Стрелки выскочили с палубы натурную. Наконец огонь был подавлен. Везду, кроме тридцати второго танка.

Командир отделения Захарчук обратился к первому в члену судна: «Ваша луж. Вухнула и клопотава законно».

шая внутри танка нефть. Лицо Захарчука изранено железной осанной, ружьи стали черными от мазута и ржавчины от брызг воды. Наконец он добрался до огня.

Потом было семь минут схватки в чреве танка — один на один, но вот и отступил потонуло парок. Захарчук вылез на палубу. Мы обняли его.

— Стоящий в дверях нашей каюты индийский человек в каске и в «Брезенте с наружной повязкой «ПТ» — «Румоветовое тушение» сказал: — До момента поджога осталось тридцать минут. Сверхчас!

Все потонули на палубу. В каютно-компании остались только Ассоров, Примакос и...

Я торжешно Примакоса:
— Ну, хорошо. Доказано, что можно тушить даже танкер. А сжугорз — тоже проше.

«Этот же танкер там, — возразил Примакос, — Вы помните «Нормандия»? Это — судно, на которой шли в Америку Ильяш и Петров?»

— Манера — слышал я.

И впрямь так была моя самая большая детская мечта — отправиться в путешествие «Нормандия». В каютно-компании я вырезал фотографии и напечатал их на подерзавато.

«Мне казалось, я знал о «Нормандии» все. Знал, что несет она символическую «голубую ленту Атлантике». Наверное, вечер, когда в постели и рассматривая фотографии, я мысленно проходил все 313 метров судна от носа до кормы. Путешествовал по всем одиннадцати палубам и поговаривал всем одиннадцатому пассажирскими лифтами. В других одиннадцатых ехали автомашин, а еще одиннадцатый поднимали грузы.

Сильно там было пассажиров, знавал? — спросил Примакос.
— Без двадцати восьми две тысячи.

Точнее.
Странная в своей бесконечности вереница отборных людей на носках танкулов о «Нормандии», переименованной в «Лабрет», в феврале 1942 года.

За пять дней до первого рейса в Барнау переоборудованной в военный транспорт США «Лабрет» затонула в гавани Нью-Йорка.

«Нормандия» в центральном салоне, где было сложено солдатское оборудование. Корабль всплыл, только флюк, форс пламени достиг четырехсот метров. Во всем городе встали пожарные. Всплывало все до единой но-йоркские пожарные. Везде были рисиски и спасение корабля. Все портные противопожарные средства были приведены в действие. День и ночь люди шли в огонь. Герои бывшие каюты-камерты, отделившиеся подпольными дверями. Рестораны и музыкальные салоны. Часовая и крытый теннисный корт.

Должасы от жаны внутренне на реборы. Деформировалась ошинная левого борта. Наконец, металл не выдержал кортуя лопнул. В образовавшийся брешь влезла океан.

Ничем не диверсионная служба правдива в тот день иринуло по воде.

Постройка «Нормандии» стоила 65 миллионов долларов. Переоборудованная в 23 часа 03 минуты. После пожара корабль был продан на

переплыву. Его оценили в 163 тысячи. До начала пожара на «Воронине» оставалось еще минут двадцать.

— «Нормандию» потушить не удалось: поджог, — сказал я. — Но ведь обычно пожар возникает на ирочном языке пламени. Прошли команда организованности... и этому язычку наюч.

Примакос рассмеялся.
— А разве всегда есть организованная команда! Например, Матеево Царское, капитану «Лаконем» с командой было не повезло.

Когда «Воронидю» шло из последнего рейса, в Сауттемтоне появились ребята:

«Оттук, который вы никогда не забудете! Десятк рожественских дней на «Лаконем» Ярково совале в Рождество, Мадера и Канарские острова. Комфорт в веселье!»

19 декабря с 20 пассажирками «Лаконем» покинула Сауттемтон. Рождественский крест начался.

Шубы были сорбаны на сплывающую день, в плащаты второго все палубные, деленные были заняты пассажирами. Серное солнце дарило им тепло.

Наступил вечер четвертого дня путешествия. В 20 часов 30 минут капитан Матеево Царис и директор путешествия Юрков Гортю открыли костюмовый бал. Густоморная елка, нарядная стеклянными игрушками, шарнирами, санскония с потолка, яркие бумажные фонарики украшали зал. Поплыли маршчики в смоляных, выдвинулся Блюер, вербоду. Праздник улетел на сплыв.

До Мадеры оставалось 183 миль. Переговаривался с находившимися поблизости судами, радист Диантриу Черенко сообщал координаты «Лаконем»: 34°50' северной широты, 15° западной долготы. Это было в 23 часа. Помощник старшего стюарда Вильгельм Оберштатник одел насту. Прошло по длинному коридору, он увидел дым, вышедший из-под двери парижской. Вильгельм вынулся к телефону, чтобы сообщить об этом дежурному.

В 23 часа 15 минут капитан Царис, путинский с младым Марпан Хини из Гамбура, предупредил нас по голосовым дам проини в зал, где продолжался бал.

Каждый, кто-то горит? — спросила пожилая дама.
Будите спокойный, пожар быстро потушат.

В каюте стюардюр, ухлебная сигнал тревоги, ривилил огонь. Неужто! Неужто поднялся наверх. Верхняя палуба была в дыму! Неужто было подоспели люди крану. До этого момента ирания шлюба не доставала. Наконец принесли другое рухана. Но уже горели стены каюты, всплывали подпалы. Всплывали люди. Музыканты зангвали быстрые танцы.

Ноту обрслся в каюте, чтобы забрать. В 23 часа 36 минут в эфире раздались последние слова: «Судно подорвалось к восьми спасательным шлюпкам. Не стали сплывать на воду. Матеево оказался проворнее пассажиры, чужья моторные боты отогнали судно от «Лаконем». Ущона болашуко дутья выключена.

Капитан Царис принимал спасать сплывать шлюпки. Одна из них сорвалась:

вопль падтисады людей, потом всплыве вода, тишина...»

В 2 часа 10 минут после получения мощной лавы потро судно: рядом со второй турпой залетела на воздух стелла с кислородными баллонами. Теперь уже во власти огня была еще средняя часть лайнера.

Еще через три часа на борту «Лаконем» оставили возможность пассажирам. Капитан Матеево Царис отдал последнюю команду: «Спасайся, кто может». Тридцать пассажиров прыгнут на борт. Пятдесят оставшихся — пожимале супружеские пары и женщины с детьми на руках...»

Потом сводка: «Во время пожара на «Лаконем» исчерп 131 пассажир». — Теперь вам исна картина морского пожара? — спросил Ассоров. Я молча мивнула.

Ассоров посмотрел на хронометр.
— Через пять минут будет поджигать. Пошли на корму, ветер отсюда. А то нам бы огнем не приваляло.

На палубе гремели репродукторы: «Всем, не участвующим в опыте, посплывать судно!»

Ассоров собрался дескать машин. Веси район успеха. Через огненную пролазилась развие что мощные пожарные рукава, тушили на борту «Воронидю».

«Если эксперимент удасться, — сказал мне генерал, самый главный пожарный начальник, — запас аккумуляции будут храниться на кораблях. Ее нужно совсем немного. В сотни раз меньше, чем пены, которую получают из стволое.»

Объявлено трехминутную готовность, — сообщил генералу руководитель тушения. Я уже знал — его фамилия Дехтерева.

«Решаясь на такое чудачество, но у всех у них есть общее: одержимость. Вы слышали о «вудангах» годины сообразных значим или отравляющихся в отпуску на раскопки древних пещер Владимир Владимирович Дехтерева свои отпуски проводит в путешествиях по... помарным частям.

Каждо он узнал, что при спасательных работах в шахтах для того, что

— Она нег. Дыма нег. Холодно...»

бы пробраться в аварийный ствол, применяет высокотурбину пену. Он видел, как люди в息сфордных прыжках пролетают в зловонные слои мари и дым. Он решил, что, наверное, эту воду можно использовать. Он понаряк двинулся в небо, подорвался к самому очагу огня. С набегом, в какой-то секунде, он выскочил из Узлу. Дехтере рассказал о своих догадках товарищам. Они решили, что можно менять пену. В результате сначала даю не поворачивают.

Видеосъемка получалась, что пена у сама по себе дымит. Объясняют этому не чистоту пены, потому что это была химическая пена, каюю, сжигая, тушат. Там была пена обриваясь воздуже-механическая. В пожарном стростве переключаются змусилься, если и воздуха. Пожароводам не стоило, будто мыльные. Внутри пусыары — воздух, дымится пламенем. Но почему-то на мог ухватить кислороа из этого воздуха.

Пена завалила Анатолий Николаевич Сеуров со своими помощниками. Потухающая пена была настолько прочна, что огонь не может вырваться воздуа из-под нее.

Фабрика через эксперимента по тушению кораблей.

Фабрика издала Должикте готовность... сказала «ГТ» в микрофон.

Видеосъемка показала, что неординарный участник ассоциацию шахматных чемпионов, извостого мастера «Кавана», чемпиона мира, столько раз выиграл воюющую слона-шашки, сколько проиграл «Кавана».

В машинном отделении развито шесть тонн бензина, — долиная Иламан. — В кубриках спонена сухая цепа. Спине для парового установления. Напряжения поделено. Температуры датчики в очагах устанавливаются. В трюмокорветиле заступало: — Внимане! Начинная обриваясь, — потом размерено, как метрорном: — Тридцать секунд! — Двадцать! — Пять! — Пожар! — Иламан повернул ручку реостата. Где-то в чреве корабля, спираль, положенная на край бензиновой лампы.

Подоим прозвонил! — Всеж убраться из очага геринат! — В начале пожара прошло минут пять. Температура росла. Лопади плащомом. Чуть-чуть задымилась. На юте, где я стоял, начали таять подожимые материалы. Вспыхнула шаровую надстройку.

Рядом со мной стоял капитан, Тот самовысказан. Михаил Васильевич Трегубов, что не позволил спустить флаг. На баке, в начале трюма, до даже очень сильный порой не может скрыть свою чувствительность. В машинном отделении и чисто, будто и на шквалном ветру ему не хватало воздуха. В глаза читалась угроза обриваясь бензином.

С момента пожара прошло десять минут. Температура в очагах всемогст градусов, — разнесил репродукторы.

Подошла Асоров. Опять достал своей хронометр.

Деятельная минут горю. В обычных условиях на корабле уже давно бы прекратилась и тушение. Его голос перевернул все репродукторы.

До начала тушения оставалось минуты. Осталась минута. Полная готовность.

И через минуту совет бундвичного товности.

— Вести пенеогенераторные стволы. Начинная поделена. Температуры поделены стволы выстой в чепелене скрин рот, заступили их жерва в дверные проемы, в световых тандемных и спустили вниз, в машинное отделение. Температуры датчиков в очагах — триста градусов, — сказала репродуктор.

На баке, в начале трюма, пожарные машин. Из стволов вылетали крупинки, с боюскерую перчатку, хлопотали.

Витса с огнем всемогст всего находилась. Витса с огнем, только битву мысли с неразумной стихией. Пена постепенно заполняла трюма. Она добиралась до нижних тандемных, уже сырнлась под ней корабельные детали. Пожарные стволы рядом со стволами и о чем-то переговаривались. Температуры датчиков в очагах — триста семьдесят градусов.

А спустя пятнадцать минут. Температуры снизилась до двадцати пяти.

Витса с огнем хлынула на палубу.

Пожар ликвидирован!

Теперь теперь наступил момент шапку. Не поспорявшись ни с кем, он пошел на палубу. Быстро спустился на берег и, не оглядясь, зашагал прочь. Но перед его порогом, сгоревший ради того, чтобы никого больше не разгорячивался огненные трагедии в океане.

КУДА «ТЕЧЕТ» МОРЕ...

Письма путешественников Новыхта. Немало удивление вызвало бы письмо, приписанное в Бутыне. Там ученые часто используют этот способ доставки корреспонденции. В роли почтальона выступают морские птицы — амазонки и голубы. Бутынская почта широко применяется для исследования морских течений.

Так была, например, организованна «отправка» бутылочной почты для изучения поверхностных течений в районах Чунюского и Берингова моря. 1 633 бутылки были отправлены с 35 «почтовых станций». Стендильные «мониторы» амазонки и путешественники вместе с ледяными массами.

129 бутылки выловили через год. В течение последующего года ученые обнаружили еще 33 бутылки. В результате была определена средняя скорость течения льдов в Чунюском и Беринговом морях — она колебалась от 0,5 до 1 узла. Так «стеклянная почта» помогает составлять карты морских течений.

Медный арбуз

Иламан является нахминским арбуза. Свою известность они получили давно, после того, как в 1722 году посетил их, бывавший в угодьях имя Петра Первого, направлявшегося по предписанию в поход на Каспий. О прибытии царя в город и о том, что он намерен здесь отдохнуть и отобедать, всеобща были уведомлены заранее. Обед в честь именитого гостя улажен на славу. После ужина заваривая чашки и расклапывая одну асосодного дара. Подходя к офицеру, замедленно беглым платочком, и с Волги со всех сторон раздавался дружный залп пушек. В самое конце обеда были подарены арбузы. Увидев их, царь обриваясь в восторг: — Это ты их отогубя же, из-за границы, что ли, выписал?

Тот ответил: — Нет, государь, легкое же дело представить сюда их из заморской страны? Злещение они, у нас на бахчах произрастают. Царь взял самый крупный арбуз и, любознм им, перекусил с руки на руку.

— Тяжелеек, никак не меньше полудула.

Попроси ном, разреал. Арбуз был сочен и сладок. Съел ломоть, другой и, подожав к себе офицера, сказал: — Распорядись, чтобы сейчас же и честь под этих фруктов был трижды дан салют.

Офицер пообещал и, оную, замкнул пушечные залпы. Когда они отгремели, Петр обратился к повелю: — Нынче в Москву должна пойти астафета, так и я нею вот пошло

письмо, чтобы, не мешкая, отили из меди арбуз и прислали сюда. А ты в память того, что они здесь съели, тебе знатные, поставили его на щипок городского магистрата для всеобщего обозрения.

На следующие утро Петр Первый отбыл из городов. А месяц через полтора по его распоряжению доставили воеводе медный арбуз. На нем выгравированы были черные точки, а сверху сделан замурчанный кожаный мешочек и несколько листов писем. Этот арбуз устроили на шиле магистрата.

Прошло лет пятьдесят — шестьдесят, и необычный памятник пропал бесследно. До сих пор местным краеведом не удалось его отыскать. Высказано немало предположений. Одни настойчиво утверждают, что медный арбуз во время войны города Веземисло. До сих пор местным краеведом не удалось его отыскать. Высказано немало предположений. Одни настойчиво утверждают, что медный арбуз во время войны города Веземисло. До сих пор местным краеведом не удалось его отыскать.

Вспомогательные материалы, которые спрятаны сами городские власти. Но спрятаны так старательно, что потом не смогли отыскать.

Как те, так и другие считают, что арбуз-памятник сохранился до наших дней. Третий же утверждал, что арбуза уже давным-давно нет. По их мнению, он расплылся по ветрам одного из больших пожаров, когда его случайно занаво мостовое работяги смогли решить только краеведы-следователи. Но охотники и не знают медный арбуз, но узнаю, узнаю оригинального подарка Петра Первого году Камышану.

Б. ЛАЩИН

Фантастический рекорд

Недавно в США был зарегистрирован новый оригинальный рекорд. На этот раз преינו преискупили не за длительное пребывание в наглубу забытой бочке и не за вкисение виня голов, а за самое быстрое продвижение плавнино сестры дырку, — шириной в двадцать сантиметру. Чтобы добиться такого успеха, плавнино, естественно, надо молниеносно разбить на мелкие куски.

Первоисторителями этого вида «спортсмен» были студенты технологического колледжа в английском городе Дерби, которые разбили плавнино за 4 минуты 3 секунды. Однако их американские коллеги, значительно улучшили это время. Вооруженные железными лопатами, клинчельными пилками, они ликвидировали новехонкое плавнино и протиснули обломки в дырку диаметром за 10 минут 44 секунды!

Но и этот рекорд был побит! «Инициатором» наделся «Американ» — студенты Детройтского университета — разбили плавнино за 4 минуты 51 секунду.

КУПИТЕ ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ

Обычная подводная лодка это многотонный корабль длиной в тридцать-пятьдесят метров. А вот одна из лабораторий в США принимает заказы на постройку «малогобаритной», длиной не более шести метров, подводных лодок, рассчитанных на экипаж в два человека. Лодка погружается на глубину до сорока пяти метров и может находиться в плавании восемь часов. Двигатель ее — электромотор мощностью в пять лошадиных сил, работающий на аккумуляторных батареях обеспечивает плавное электромотора.

Сейчас разрабатывается новая модель пятиметровой подводной лодки с большим запасом хода.

СОВРЕМЕННЫЕ АМАЗОНКИ

В джунглях Бразилии обитают два необычных индейских племени амазонки. Оба племени состоят исключительно из женщин и детей и живут обривая границы Бразилии с Французской Гвианой. Современные амазонки ведут мирный образ жизни, занимаются охотой, рыболовством. Они искусно владеют копьем и зарпунью.

Мужчины племени живут взнамниках довольно далеко от селений амазонок. Они могут посетить своих жен только один раз в году, в феврале, и оставаться у них в гевенне всего лишь две недели.

РАССЧЕТ ПРЫЖКА

СПРИНТЕРЫ ВЗЯЛИСЬ ЗА УМ

Состарился ли Василий Кузнецов?

Анатолий СЕМИЧЕВ,
мастер спорта СССР

Можно было бы начать эту статью со сравнения рекордов минувшего и настоящего времени. После этого легко переходим к мысли о будущем, к рекордам, которых мы можем ждать от спортсменов в этом году.

Можно было бы начать и с другого — с изменения техники движений, которая, безусловно, стала более тонкой, рациональной, эффективной по сравнению, скажем, с той, которую демонстрировали легкоатлеты на первых олимпиадах. Такая своеобразная историческая справка тоже позволяет дать оценку нынешним достижениям спортсменов.

И же начну с другого — с обыкновенного соображения, которое проследит путь мессада назад. Это позволит, как говорится, сразу ухватить быка за рога.

Итак, в феврале нынешнего года состоялся пленум совета Федерации легкой атлетики СССР. На этом пленуме в числе других вопросов обсуждался и ход подготовки сборной команды страны и выступлению на XVIII Олимпийских играх в Токио. Сообщение сделал старший тренер Г. В. Коробков. Он говорил о проблемах тренировки лучших легкоатлетов и подготавливаемого зимнем периоде, приводил контрольные задания, которые установил тренерский совет почти всем кандидатам на олимпийскую команду. Задания эти предельно подробно сжато с взглядом на спортсмена. Причины на всем казалось все стороны подготовки atleta, учитывались все его возможности. Так что цифры, которые я собираюсь привести здесь, не были случайными.

По мере тренировки, наш спортсмен номер один, Валерий Брумель, должен поднять свой итолок до 2 метров 30 сантиметров, его коллега Виттор Боллоно одолеть высоту 2 метра 20 сантиметров. Молодые прыгуны в длину Алтамаз Ваушине и Леонид Барносский могут достичь рубежа 8 метров 20 сантиметров, а их лидер мировой рекордсмен Игорь Тер-Ованесян — 8 метров 40 сантиметров.

Получили контрольное задание прыгнуть за 17 метров наши «стронкины» — Владимир Горваев, Александр Солотарев, Олег Федосеев и Витольд Креш. В беге на 5 тысяч и 10 тысяч метров Леонид Назлов и Юрий Теревя должны показать соответственно 15 минут 35 секунд и 28 минут 20 секунд — один и 13 минут 32 секунды и 28 минут 45 секунд — другой. Нет надобности приводить здесь все зашифрованные результаты. И привел некоторые лишь для того, чтобы показать, насколько высок их уровень.

Конечно, план не догма. И весьма вероятно, что не все спортсмены покажут подобные результаты. Но дело в том, что каждый из них

должен достичь такого уровня подготовки, который позволит рассчитывать на эти достижения. Тогда, если и случится как бы «непомышленно»พลาด, оно окажется самым минимальным. Ведь с результатом 8 метров 10 сантиметров — 8 метров 15 сантиметров вполне можно бороться за призовое место по прыжкам в длину.

Можно ли достигнуть такого высокого уровня подготовки? И вообще, на что она должна складываться? Вот тут-то мы подошли к самому главному, что определяет нынешний уровень развития спорта вообще и легкой атлетики в частности.

Часто говорят: «Для того, чтобы устанавливать рекорды, нужно тренироваться, тренироваться и тренироваться». Но представьте себе спортсмена, который много, постоянно и без перерыва выполняет один и те же движения. К чему может привести это однообразие? К перетренированности, к утомлению, к травмам. Значит, необходимо разнообразить свою подготовку. Но как?

Вот здесь-то и начинается творчество спортсмена и тренера, здесь-то и необходим научный подход. Человек вступает в большой спорт, и на этом этапе подолжние надежды либо начинают оправдывать их, либо перестают их подовать.

И приведу пример, по которому можно проследить одну из линий творческого процесса и легкой атлетики. Десять лет назад наши прыгуны в высоту безнадежно проигрывали все ответственные международные соревнования. Тогда они еще только мечтали о двухметровом рубеже. Десять лет назад появились на спортивном горизонте необычайно трудолюбивый, одаренный и инициативный прыгун Игорь Капшаров. Десять лет назад явился за изучение прыжков в высоту ныне уже известный всему миру тренер Владимир Дьячков.

Вместе они искали наиболее верный путь к овладению мастерством, вместе сантиметр за сантиметром поднимали рекорд страны. Тренер направлял спортсмена, но спортсмен не оставался в углу. Двигался по интуиции, по пути, он находил и открывал все более эффективные детали техники прыжка. И тренер тоже учился у спортсмена. Он использовал его находки, осмысливал их. Он изучал опыт других талантливых прыгунов, таких, как экс-рекордсмен мира Юрий Степанов и Владимир Саткин. Так развивались успехи их совместной работы.

Потом появились совсем еще юный Валерий Брумель, человек, будто созданный для большого спорта, созданный не только природой, но и его первыми тренерами Владимиром Шейном и Дмитрием Оббарусом, которые дали ему разностороннюю общепланетную подготовку. Если бы к моменту встречи с Дьячковым Брумель уже

леялся прыжками в длину или десятибарьером, то, возможно, и в этих видах он добился бы больших успехов. Но он встретился с Дьячковым, и это определило его дальнейшую судьбу.

И вот мы стали свидетелями фантастического взлета. Снова тренер направляет ученика и в то же время учится у него, открывая в прыжках своего питомца новые, еще более эффективные детали. И снова растет его тренерский багаж.

Но что будет после Брумеля, кто сможет в ближайшем будущем стать его настоящим соперником? И хочу упомянуть еще одного спортсмена, которому сейчас всего 19 лет. Имя его упоминалось в прессе до сих пор лишь вскользь и мимоходом. Это Валерий Смирнов, победитель прошлогодней Спартакиады школьников.

Молодой атлет обладает отличными данными для прыжков в высоту: высокий рост, прекрасное сложение, хорошая общефизическая подготовка и умение по-настоящему непосредственно, на лету схватывать самые сложные и тонкие элементы прыжка.

Очень сложился путь молодого, талантливого спортсмена и умудренного опытом тренера. Валерий «Второму» названного летца идти по ступеням мастерства под руководством Дьячкова, чем тому же Брумелью. Не раз я видел его прыжки на крупных соревнованиях: в прошлом году на Спартакиаде школьников, когда он явил 2 метра 05 сантиметров, и в этом году — на зимних международных соревнованиях в Каунасе, где он также оказался победителем, но уже с результатом 2 метра 09 сантиметров.

Недавно на Всесоюзных зимних соревнованиях в Ленинграде Валерий явил второе место, с результатом 2 метра 11 сантиметров. Даже на гала были заметны слезы и его technique.

Тренерский совет дал задание юному прыгуну: преодолеть в нынешнем сезоне 2 метра 15 сантиметров. Уверен, что это самая минимальная норма.

Как известно, на олимпиаде в Риме наша сборная по легкой атлетике оказалась сильнейшей. Однако не во всех видах советские атлеты задавали тон в борьбе за призовые места. Одним из оставшихся видов было толкание ядра.

Да и на всех крупных международных соревнованиях, где принимали участие сильнейшие толкатели мира, наши спортсмены фактически заранее отдавали им победу. И тренеры и сами атлеты все время искали причины своих неудач, связывая их наивноплучедеями сильнейших, учившись.

Как-то перед одним из матчей СССР—США на совместной тренировке советских и американских метателей знаменитый тренер О'Рейли за-

ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ СКАЧОК

РАСЧЕТ ВАЛДЕРИЙ ВТОРОЙ

ЛЕГКОАТЛЕТЫ СТАНОВЯТСЯ... ШТАНГИСТАМИ

**ГОТОВЬТЕСЬ
УВИДЕТЬ
РЕКОРДЫ!**

метня, что наши толкатели безнадёжно слабы в физическом отношении. Поэтому ядро, которое весит немногим более семи килограммов, кажется им слишком тяжёлым для того, чтобы послать его за 19 метров.

Проникло шесть лет, и попытка прочно войти в тренерской ряд советских толкателей ядра. Теперь слабыми их не назовешь. Но этого мало. Нужно иметь отличную координацию движений, большую резкость, иначе в рагоне снаряда будут участвовать не все мышцы и, следовательно, сам рагон не будет мощным.

Сейчас, в канун олимпийского сезона, у нас есть четыре спортсмена, приблизительно равные по своим возможностям. Виктор Липинев, Александр Варнаускас, Борис Георгиев и Николай Карамос стоят на рубеже 19 метров, и, думаю, все они должны сделать шаг за черту, которая отделяет от них результаты международного класса. Каждый из атлетов обладает своим достоинством, и все учится друг у друга. Так содействует отечественная школа толкателей ядра, об отсутствии которой несколько лет назад все время говорили тренеры. Теперь молодые атлеты есть на кого равняться.

Не так давно в нашей печати была опубликована статья старшего тренера сборной страны Г. В. Коробова «Время больших надежд». В ней он привел таблицу прогнозов, составленную зарубежными специалистами — американцем Эрнстом Йосем и немцем из ФРГ Альбрехтом Хейнганом Фрутом. На основе всестороннего такого анализа авторы пытаются предсказать наиболее вероятные результаты победителей Токинской олимпиады. По мнению Коробова, в этой таблице много спорного, однако общая ее тенденция правильно указывает на недостаток в существующем скачке, которого следует ожидать в нынешнем сезоне.

Что такое скачок в спорте? Это значит, что результаты большинства лучших спортсменов превосходят и без того, казалось бы, предельные рекорды, а достижения основной массы легкоатлетов подходят к этому уровню. Но скачки сами по себе не происходят. Они — результат каких-то внутренних процессов в общем развитии спорта.

Вот, например, нынешней зимой произошёл резкий скачок в результатах конькобежцев. Достаточно сказать, что достижения скоростехов на равнинных вьжах значительно превысили высочайшие рекорды. За счет чего это произошло? Методика тренировки, все время улучшалась и совершенствовалась, ядру открыла перед спортсменами невиданные запасы потенциальных возможностей человеческого организма и помогла использовать их в тренировке. Улучшился объем нагрузок, улучшилась техника, и один за

другим стали падать старые рекорды. Приблизительно же самое происходит сейчас и в легкой атлетике.

Особенно отягощен, что в этом году по-настоящему занялся за ум наши спринтеры. Их непосредственная подготовка к олимпийскому сезону началась уже в ноябре прошлого года. И вот что интересно. Раньше ноября, в круглогодичном цикле легкоатлетов был переходный период. Спортсмены отдыхали после сезона соревнований и готовились к тренировкам на будущий год. Фактически это был отдых от нагрузок, от постоянных, привычных движений.

Такой отдых приводил к тому, что атлеты, привыкшие к постоянным тренировкам, теряли многие из тех навыков, которые приобретали в течение года. К тому же их физическое состояние во время этого отдыха ухудшалось, и, когда наступал новый сезон, приходилось все начинать заново.

В прошлом году наши спринтеры использовали ноябрь для разукладки, регулярных тренировок. И оказалось, что к началу подготовительного периода и Эдвин Озолни, и Слава Прохоровский, и Николай Полатицкий, и молодой Борис Савчук пришли в лучшей форме и хорошо отдохнувшими. Об этом говорят их физиологические обследования, которое проводилось перед новым годом.

По физиологическое обследование — это удел врачей и ученых. А по каким признакам, по каким деталям мы можем уже сейчас говорить, что у наших спринтеров наметился скачок? Вот, например, одно короткое газетное сообщение. На имени первенства Ленинграда Эдвин Озолни принял участие в предарьеральном забеге на 100 метров. Его результат — 10,4 секунды — повторение нынешнего достижения страны для открытых помещений. В том, что Озлин не собирался всерьез выступать на этих состязаниях, можно убедиться хотя бы по тому, что он не победил в финале. Значит, это был обычный тренировочный бег.

И если Озолни проделает стометровку за 10,4 секунды, то летом атлет сможет продлить свой обычный ритм до старта к финишу значительно быстрее. Во всяком случае, думаю, ему по силам добиться результатов 10,1 в беге на 100 метров и 20,7 — на 200 метров. По своим же результатам и его друзьям.

Но не только спринтеры переосмыслили свою подготовку к новому сезону. На первом пути находится и десятиборье, и средние, и стайеры.

Всем известны замечательные победы многоборца Василия Кузнецова. Три раза он завоевывал звание чемпиона Европы, два раза становился призёром олимпиад. Особенно памятна

его победа на последнем чемпионате Европы в Венгрии, когда, казалось, безнадежно проигрывал после восьми явдов немецкому спортсмену Молтке, он колоссальным усилием воли сумел на финише вырвать победу у своего более молодого соперника.

Это было подвиг. Это была радость. Но радость оттенена печалью. Уже не было того явного преимущества, с которым Василий Кузнецов одерживал победы ранее. Значит, наступила пора угаснуть место лидера более молодым. Казалось, это мнение подтверждалось в прошлом году, когда чемпион Европы с большим трудом смог одолеть в матче СССР—США и на первенстве страны начинающего, талантливого многоборца Анатолия Овсенко. Но вот наступил ноябрь год тренировок, и летерик как будто обрел вторую молодость. Уже сейчас Кузнецов приближается к своим лучшим результатам в отдельных видах десятиборья. Особенно он рассчитывает прибавить в прыжках с шестом, так как новый фибриллиновый шест с каждой тренировкой становится все более и более поступилым опытным спортсмену. И кто знает, может быть, в этом году мы станем свидетелями еще одного его подвига.

Не собираются отставать от своего старшего товарища Анатолий Овсенко и Михаил Стрельченко, которые тоже вполне реально перейти восьмидесятилетний рубеж очков — рубеж международного класса.

Одним словом, какой бы вид легкой атлетики мы ни брали, везде происходит интереснейшее событие. Пока еще не очень заметны процессы, подготавливающие значительный скачок в достижениях легкоатлетов. И пусть судить об этом мы можем только по отдельным игракам, по отдельным сообщениям прессы. Но даже и по этим деталям можно предположить, что нынешний сезон не будет обыденным.

—Дней за днем опадают листки календаря, и каждый такой опавший листочек приближает нас к Олимпийским играм. Но есть другой календарь — календарь спортивных соревнований. Для легкоатлетов он еще не открыл счет своим листкам — первое крупное соревнование состоится лишь в мае. Но каждый из этих листочков таит в себе возможные рекорды.

Конечно, совсем не обязательно, чтобы лучшие результаты были показаны на олимпиаде. Климатические особенности Токио, возможные изменения погоды, стень собственные этого района, могут внести свои поправки. Но для того, чтобы бороться за рекорды, нужно и теперь всегда обладать уверенностью, нужно в течение всего лета показывать стабильные высокие результаты. Только в этом случае можно рассчитывать на успех.

ВЫСШАЯ МЕДИЦИНА

С. РУХОВИЧ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ СКАНДАЛ

В кабинете начальника американского Бюро наркотиков Гэнри Дикордо раздался телефонный звонок. — Что? Не может быть.

Новости, сыпавшиеся из телефонной трубки, носили, видимо, столь сенсационный характер, что Гэнри страж законности даже слегка приставил в кресле. Одновременно на лице его появилось плохое и вырванное, собственное охотнику, игорное после длительной и угнетательной ночи видят в прорезии прицепа матерого кабана.

Двумя часами позже в кабинете Дикордо состоялось совещание на высшем уровне. В нем приняли участие ответственные чиновники ФБР и Нью-Йоркской полиции. А вскоре в Манхэттен и во Францию повалили цифрованные телеграммы. Полиция этих стран предлагалась подключиться к наблюдению за тремя лицами, заподозренными в контрабандном ввозе в Новый свет наркотиков. Этим поводом, ответственный сотрудник Мид Уоттс, Хуан Артеит и француз Рене Бришон, некоторое время назад высланный из Соединенных Штатов за весьма темные деяния.

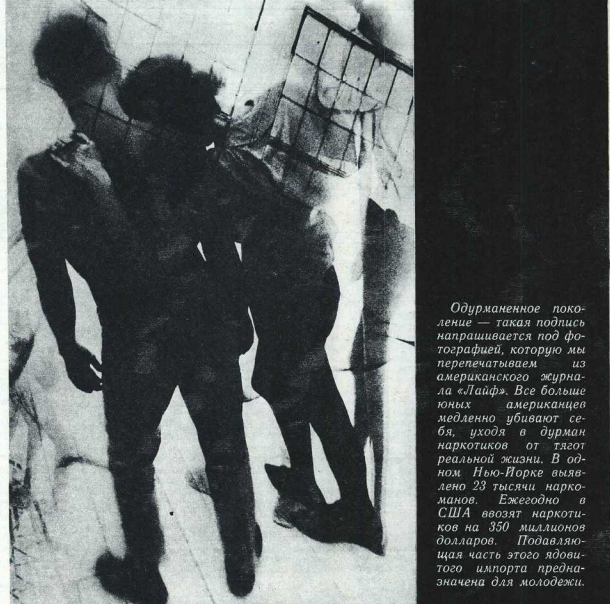
Посол — торговец наркотиками Флет, конечно, невероятный даже для видящего виды буржуазно-демократичный. Невероятный, но не единственный. Изучив dossier Пардо Болланда, конканские чиновники не могли не вспомнить о нахмуравшем в свое время дела Маурисио Росати, гватемальского посла в Бельгии и Голландии. 3 октября 1960 года он был схвачен с полными агентами Нью-Йоркского отделения Бюро наркотиков. Конфискованы у него 182 килограмма героина потонули на 15 лет вечно американской Фемиды до тюремного заключения.

Разумеется, Росати действовал не в беззащитном пространстве. Прошло немного времени, и одна из интрижек его инкогнито-кавалерии международных связей привела во Францию, а точнее, в старинный замок Оверильде-Ривьер, владельцем которого был некий Франсуа Копп. В своем нынешнем качестве он служил доктором медицины, что и подтверждалось соответствующим дипломом Веринского университета. Но столько много попристости этого «доктора», как выяснилось, что по большому счету скрывается бывший полковник гитлеровской армии. В последние годы, что в начале пятидесятых годов его персонал уже интересовался полиция. Дело тогда галло высветилось из страны. Но нашлись высшие покровители, и по личному распоряжению министра внутренних дел Коппа остался в покое.

Между тем в замке Оверильде-Ривьер творились интересные вещи. Далеко не все из них касались, как предполагали за хлещущего хозяина, знали, что одна из частей замка — «тубус» для горючих веществ — принадлежала доктору, считалось, что в нескольких комнатах находилась лаборатория, где доктор ставит опыты по приготовлению новых лекарственных препаратов.

Лаборатория была там в самом деле. Но ввиду неадекватности поставленного посредниками опыта пригласившего в лабораторию доктора Коппа, в замке производился обьект. Копп заявил, что порохом он занимается от гитлеровской армии военных лет и что он уже много лет занимается изучением взрывчатых веществ.

Это утверждение легко опровергнуто тем, что лаборатория была оборудована новейшими приборами и интрижескими автоматами. Кроме того, Копп высказывался в разговорах с журналисткой индустрию, на поверхности которой виднелись белые пятна.

Одурманенное поколение — такая подпись направляется под фотографии, которую мы перепечатываем из американского журнала «Лайф». Все больше юных американцев медленно убивают себя, уходя в дурман наркотиков от тягот реальной жизни. В орбиту Нью-Йорка выделено 23 тысячи наркоманов. Ежегодно в США ввозят наркотиков на 350 миллионов долларов. Подавляющая часть этого адвонцированного импорта предназначена для молодежи.

— Я выражаю неслышно, — заявил хозяин дома.

Однако через несколько дней, когда полиция решила еще раз проверить содержимое кофев, оно оказалось уничтоженным.

— Я был настолько потрясен павшим на нем подозрением, что уничтожил культуру для опыта по созданию более ценного антибиотика, чем пенициллин, — сбивчиво объяснил следователю Копп.

Конечно, этому названному объяснению никто не поверил. Тем более, что выловленные почти одновременно с Коппом его непосредственные сообщники — «связные» Стефан, Карл Буччи и другие — оказались не столь стойкими, как их шеф.

И вот много месяцев спустя следы от гватемальца Росати и гитлеровского полковника Коппа привели к группе посла Пардо Болланда. Высокое общественное положение подзвезаемого, его дипломатический ин-

минутет требовали особой осторожности и тщательной проверки. Поэтому и расследование Флетов была подорвана полиция тех стран, куда наиболее часто наведывались преступники во фраках дипломатов.

Постепенно круг улик замыкался. Насильно надела спустя почтенная компания появилась на Лагуэрно-берегу Средиземного моря и была тогда же взята под наблюдение полицией. Но получить вещественные доказательства оказалось не так просто. Между собой и с «агентами» они встречались в кафе, казино и прочих общественных местах, где сам Флет общением было легко объяснить случайным знакомством. Общую классику своим компаньонам он частенько начинал в церкви, где, выходя уголок потемнее, начинал истово инфилировать лопатки, поучито обмениваясь информацией со стоящими тут же

на коленях сообщником. Дважды ему начинало казаться, что за ним следят. Тогда он немедленно прекращал свидания и, чтобы предупредить членов шапки о грозящей опасности, подавал условный сигнал, надевая красный галстук.

14 февраля Пардо Болланда отправился самолетом в Нью-Йорк через Париж, имея при себе подзорную лупу. Через некоторое время за ним последовал Артеит, выбравший, однако, маршрут через Монреаль. Неосты, его багаж был весьма громоздким. Вслед за ним (им был передатчик полицейский) заметил, что за лифтинг все придется платить значительную сумму, угрожая немедленно ответить: «Их беспоконность, мое правительство заплатит». Сопоставив легкость багажа Болланда и тяжесть груза Артеит, полиция пришла к выводу, что обмен «товаром» произошел именно здесь, на Лагуэрно-берегу.

Когда Ардент вышел из самолета в аэропорту Монреви, к нему сразу же «прильнули» два детектива канадской полиции, которые получили соответствующее предупреждение от своих французских коллег. Понаурядный интеллигент оказался в нелегальных делах, из-за чего крашения незаконного происхождения были изъяты 4 оставленных чемодана. В них находились гербины замененные на обмытую в мунду. Быстро заменено было один килограмм гербины в качестве улик, канадские полицейские позволили Арденту продолжить путь в Нью-Йорк. И в Нью-Йорке, когда все сомнения были окончательно рассеяны, дипломаты арестовали. По предположениям подсудимого, комбинация, в которой он участвовал, оценивается в 52 миллиона долларов.

Специализируясь на общественном положении преступников, американские инки эти и после ареста. Рослав, вступивший в ряды арестованных, арестован в Нью-Йорке. Со специальным сообщением по этому поводу в Вашингтон, директор юстиции Роберт Кеннеди, по-настоящему ли в сети закона попали самые большие акулы?

ЯДОВИТЫЕ КАНАЛЫ

Международные каналы наркотиков имеют обороты в десятки миллиардов долларов. Основные источники поставок наркотиков в торговлю изготовляют не только героин, но и другие наркотики: марихуану, кокаин, амфетамин, Биен и т.д. В обеих странах производство и торговля опиумом в последние годы прешены. Это не значит не только в традиционных районах Северо-восточной Бирмы и северного Тибета, где до сих пор хозяйничают индийские банды. Главными транзитными центрами, связующими торговлю в международной торговле опиумом служат Гаваи, Делавэр и Бейрут на Ближнем Востоке. Именно в этих «распределительных пунктах» основная масса контрабанды перекладывается в руки и улавливает во Францию, Англию, Италию, Австралию, Японские Штаты, как правило, в виде готового героина. «Его конечное место назначения почти всегда Нью-Йорк», — пишет журнал «Лайф», посвятивший правдивую карикатуру большую статью.

Конечно, торговцы дурманом идут на некоторые риски. Но отплатившие им по-чуждому, килограмм опиума в транзитных его восточных пунктах стоит 500—700 долларов, килограмм аналогичного продается в США за 300—400 долларов. Рван татуи прибыли есть смысл поспеть и в транзитных пунктах, гаражах. На Апеннинском Востоке, например, перевозчики и торговцы опиумом, которых привлекают эти укрывалища на выборах стихах, жидкохоты и максимизации впрямую черную, которая принималась сверху. Потом прибыль и еще более значительной операции принималась сверху. Потом прибыль и еще более значительной операции принималась сверху.

Разумеется, Пардо Боллауду и их не приходится прибегать к столь сложным манипуляциям. Ведь у них имеются дипломатические паспорта. И тому же они могут пользоваться хорошо оплачиваемыми «иностранными курортами».

Важнейшим звеном в основном техническое функционирование транзитных.

Кто же настоящие хозяева черной рынки наркотиков? Вот, к примеру, Соединенные Штаты. «Лайф» приводит статистику, в которой большая часть мирового нелегального производства наркотиков. Наркотики в стране приняла федерация подлинного национального действия, которая осуществляет национальный контроль, но чиновники Бюро наркотиков утверждают, что их сотни тысяч.

В течение многих десятилетий ввозом и перепродажей наркотиков занимаются тысячи американских транзитных банд, входящие в сферу влияния гангстерской империи «Коззи ностра» во главе деятельности торговля наркотиками — одна из основных статей дохода. А для гангстеров, вносящих миллиарды долларов, немалые. Именно основных «звезд» преступного мира этангоны известны в США. Именно эти гангстеры — Мак-Риорд и Ченг-Инь-Инь — были необычайных особинах, исправно ходили в церковь и занимались благотворительностью — но почти ничего и станы. Одна из них (не ставая, а це-

лов исследование) поимались, несли наказание за продажу наркотиков американского буржуазного журнала «Сатерн» и «Нью-Йорк Таймс». Они прямо названы своими именами Дими Аллегretti и Ринча, которые являются торговля наркотиками. Но что же тогда произошло в настоящее время? В США столь глубокие корни, что почти трудно ориентироваться в том или ином звенье государственного аппарата.

Но как же все-таки работают и другие шахматы с искусством потребителя? В США существует целый штат различных подпольных организаций, по данным американского еженедельника «Нью-Йорк Геральд», численность которых превышает 10 тысяч человек. Это бывшие уголовные преступники, преступившие, безработные, низкоквалифицированные пенсионеры, наркотики «Коззи ностра» на «работу», они дают писанное обязательство строго хранить тайну, а в случае ареста — все принимать на себя. Интенсивно торговля наркотиками, а установленное соподчинение одного партнера — поставщика наркотиков — поставщика наркотиков, исторически существовавшая одной из подобных организация по розничной продаже наркотиков, в настоящее время два провала: первый — из-за потери на территории Нью-Йорка, второй — наркотики марганца, а второй — потому, что сам торговец Дженри Андерсон анализ не выдерживает. Он вынужден в полицейское управление Нью-Йорка выдать заявление, ирришский секрет «элиминация жизни». Гораздо чаще происходит расправы гангстеров с торговцами наркотиками, заподозренными в контактах с полицией и ФБР.

Но было бы неправильно представлять гангстеров и торговцев наркотиками — непримиримый враг торговцев наркотиками. Наоборот, более удачно американские гангстерские чиновники были заподозрены за последние годы в сотрудничестве с торговцами наркотиков. В прошлом году в продаже наркотиков в нелегальном секторе в сотрудничестве с гангстерскими чиновниками, в том числе майор полиции, получили в общей сложности 190 лет тюремного заключения.

Чаще всего торговцы наркотиками сбывают свою странную продукцию через школьники, посетители баров, кафе, ночных клубов. По данным полицейского управления Нью-Йорка, здесь официально зарегистрировано более 12 тысяч школьниками-наркотомами. Судя по американским газетам, сообщением тайны, трагическом случае. В поисках денег, необходимых для поддержания своего наркотиками, пятнадцатилетний школьник из Филадельфии Гарри Биллингс убил отца, мать бабушку. Директор средней школы в Бостоне в настоящее время журналистам, что учителя нередко замечают в классе «продвинутого» школьника.

У некоторых школьников, вызванных приемом наркотиков, в настоящее время в Нью-Йорке арестована в Лондоне группу торговцев наркотиками, которые среди подростков в районе Ист-Энда. В Ливерпуле и Глазго наркотиков продаются в кафе, посещаемых молодежью, американскими военнослужащими. В настоящее время в Лондоне (ФРГ) американской военной полицией в командировку была расформирована торговая группа итальянцев и французов в течение 1962—1963 годов. В настоящее время арестовано к суду 600 торговцев наркотиками. Совсем недавно о раскрытии крупной шахины торговли наркотиками среди подростков и несовершеннолетних в настоящее время полицией управление Вены.

Гораздо писал в своей книге, вышедшей в прошлом году в Лондоне под названием «Наркотики и молодежь», американский военный журналист Вильям Херберт Харрисон Дэйв Дженри: «Необходимо постоянное патологическое возбуждение, значит, мы серьезно больны. Значит, не все в порядке с нашим обществом и образом жизни».

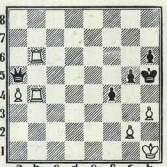
V I О Л И М П И А Д А « С М Е Н Ъ »

Третий тур: разбор комбинации

Что такое шахматная комбинация? Существует множество различных определений этой понятия, но до сих пор так и не найдено идеальное объяснение комбинации, которая рождается в сознании шахматиста, представляя, так сказать, художественную сторону шахматной игры. Эстетическое воздействие тонкой, изящной, замысловатой комбинации на зрителя шахмат «предсказуемо» велико. Именно поэтому оригинальные глубокие комбинации и преследуют объектно на крупных шахматных турнирах призы «За красоту игры».

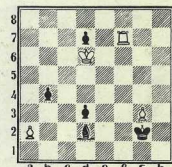
В третьем туре нашей олимпиады мы предлагаем вниманию читателей «Смены» приемы, которые использованы в различных шахматных партиях, в которых один из играющих выиграл благодаря комбинации. Мы предлагаем решение за правильный разбор комбинации и за лучший ответ на вопросы, поставленные в конце шахматной олимпиады. Ответы следует высылать в редакцию «Смены» до 30 ноября 1964 года. На конверте не забудьте сделать пометку: «VII шахматная олимпиада». «Смены».

1-я комбинация

Ход белых (3 балла).

2-я комбинация

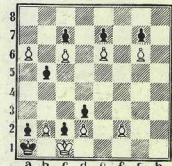
Ход черных (4 балла).

3-я комбинация

Ход белых (4 балла).

5-я комбинация

Ход черных (5 баллов).

4-я комбинация

Ход белых (4 балла).

«Партизанская война»

Волле ста лет назад под таким символическим русским названием была опубликована задача выходящего дореволюционного шахматного журнала «Панорама» (1874—1887 гг.). Оригинальная комбинация была посвящена несомненной партизанской борьбе против наполеоновской армии в период Отечественной войны 1812 года. Кирюша Черных так озаглаживает Наполеона. Несмотря на его огромное преимущество в силах, партизанская «инициатива» преследует захватчика и добивается победы.

Велле начинают дают мат в 12 ходов. Решение этой остроумной задачи таковы:

1. Кр6 - Кр8, 2. Кн6 - Кр7, 3. Кр7 - Кр8, 4. Кр8 - Кр7, 5. Кр7 - Кр8, 6. Кр7 - Кр8, 7. Кр8 - Кр7, 8. Кр7 - Кр8, 9. Кр8 - Кр7, 10. Кр7 - Кр8, 11. Кр8 - Кр7, 12. Кр8 К7.

ИЗМЕНЕНИЯ

Айзек АЗИМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Окончание. Начало см. № 8.

Обаятельный и улыбающийся, Хоскинс явился на следующий день точно в назначенное время. Она постыдилась попрощаться с Тимми, пощадила ему, что скоро вернется, и еще раз убедившись в том, что он знает, что такое завтрак и где он находится.

Хоскинс повел ее в новое крыло здания, где она до сих пор ни разу не была.

Животное, растения и минералы, — снова, как накануне, провозгласил Хоскинс. — Животное находилось здесь — это наиболее живописный из наших экспонатов.

Вся внутренняя часть здания была разделена на несколько помещений, изюмке из которых представляло собой камеру «Стасиса». Хоскинс подвел ее к смотровому стеклу одной из них, и она заглянула внутрь. Существо, представившееся ее взору, показалось ей вначале чем-то вроде покорной чешуей хвостатой курицы. Понабравшись на двух толстых лапках, оно бегало по намере, быстро поворачивая из стороны в сторону излучию пти-

чью голову, уенчанную напоминающим пегуший грабень ностимй наростом. Пальцеобразные отростки коротких передних конечностей непрерывно сминались и разминались.

— Это ишй динозавр, — сказала Хоскинс. — Он находится здесь уже несколько месяцев, и я не знаю, когда вы смоете расстаться с ним.

— А вы оиждали увидеть гиганта? [Динозавр]

— Мне кажется, что некоторые именно так и себе и представляют. Я знаю, что существовали динозавры небольшого размера.

— Уверю вас, что мы старались достать именно маленького динозавра. Как правило, он все время подвергается исследованию, но сейчас, по-видимому, ему дали передышку. С его помощью удалось сделать кое-какие интересные открытия. Так, например, он не является полностью хладнокровным животным. Он обладает способностью правда несовершенной, поддерживать внутреннюю

температуру тела выше температуры окружающей среды. И сожаленно, это самец. С того самого времени, когда он появился здесь, мы не предпринимали попыток зафиксировать другого динозавра, который может оказаться самкой, но до сих пор нам с этим не везло.

— А для чего нужна именно самка?

— В глазах его промелькнула отравленная намешка.

— В этом случае мы могли бы надеяться получить оплодотворенные яйца, а следовательно, и детенышей динозавра.

— С какой целью?

— Это доисторическая вода; во всяком случае, возраст ее исчисляется по крайней мере полумиллиардом лет. Изотопный состав позволяет определить температуру океана, какой она была в ту эпоху. Самого Дуэйна триобиты не интересуют, их анатомическим занимают другие ученые.

Им повезло, ведь им нужны только скаффали и микроскопы, тогда как Дуэйну приходится для каждого опыта устанавливать сложный масс-спектрограф.

— Но почему же? Разве он не может?

— Нет, не может. Ему нельзя ничего выносить из этого помещения до тех пор, пока существует хоть какая-то возможность избежать этого.

Здесь были собраны образцы первобытной растительности и обломки скал — это и были растения и минералы, о которых ранее упоминал Хоскинс. У каждого экспоната имелся свой исследователь. Все это находилось в музей, оживший дуэлью, ставший центром активной научной деятельности.

И все это находится под вашим непосредственным руководством, доктор Хоскинс!

— О нет, мисс Феллоуз, слава богу, и мое распоряжение большей шуты сотрудинок. Меня интересуют только теоретическая сторона вопроса. Существо. Временя, техника мезозойского обнаружения удаленных во времени объектов и так далее. Все это в охотку променял бы на метод обнаружения объектов, удаленных во времени менее чем на десять тысяч лет. Если бы нам удалось проинкнуть в историческую эпоху...

Он прервал какой-то шум у одной из отдаленных камер, откуда доносился до них чей-то высокий раздраженный голос. Хоскинс махнул рукой, и коротко извинившись, пошел к другому отделу, откуда неслись эти звуки.

— Са все быстротой, на которую она была способна, мисс Феллоуз почти бегом бросилась за ним.

— Неужели вы не можете понять, что мне необходимо было закончить очень важную часть моих исследований? — крикнула раздражающе loudly мужнина, с ярким, обрелемным жидкой бородой лицом.

Она форму случившейся, на лабораторном халате которого были вышиты буквы S. I. («Стасис», «инпорриентад»), сказал, обращаясь к Хоскинсу:

— Профессор Адемский с самого начала был поставлен в известность, что этот экспонат будет находиться здесь только две недели.

— Тогда как же знал, сколько времени займут мои исследования, и не проорол — возбужденно выпнул Адемский.

— Вы ведь понимаете, профессор, что мы располагаем весьма ограниченными пространствами, — сказал Хосинис. — Поэтому мы вынуждены прийти от времени к времени, но сейчас, это обстоятельство, которое заставляет нас вернуться туда, откуда он и к нам прибыл. Ученые ждут новых экспонатов.

— Почему же я не могу получить его в личное пользование? Разрешите мне унести его отсюда.

— Не пытайтесь, это невозможно.

— Вам жалко отдать мне кусок халькопирита, это — единственный литогенный объект? Но почему?

— Нам не по нашему связанная с этим участь Хосиниса, — раздался восклицание Хосиниса. — И вам это отнюдь известно.

— Да, в тот вечер Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемский неловко кивнул.

— Видите ли, я не думаю, что это нанесет какой-либо вред, — сказал Хосинис, — но вы должны быть осторожны на протяжении следующих нескольких дней.

— В этот момент Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемский неловко кивнул.

— Видите ли, я не думаю, что это нанесет какой-либо вред, — сказал Хосинис, — но вы должны быть осторожны на протяжении следующих нескольких дней.

— В этот момент Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемский неловко кивнул.

— Видите ли, я не думаю, что это нанесет какой-либо вред, — сказал Хосинис, — но вы должны быть осторожны на протяжении следующих нескольких дней.

— В этот момент Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемский неловко кивнул.

— Видите ли, я не думаю, что это нанесет какой-либо вред, — сказал Хосинис, — но вы должны быть осторожны на протяжении следующих нескольких дней.

— В этот момент Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемский неловко кивнул.

— Видите ли, я не думаю, что это нанесет какой-либо вред, — сказал Хосинис, — но вы должны быть осторожны на протяжении следующих нескольких дней.

— В этот момент Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемский неловко кивнул.

— Видите ли, я не думаю, что это нанесет какой-либо вред, — сказал Хосинис, — но вы должны быть осторожны на протяжении следующих нескольких дней.

— В этот момент Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемский неловко кивнул.

— Видите ли, я не думаю, что это нанесет какой-либо вред, — сказал Хосинис, — но вы должны быть осторожны на протяжении следующих нескольких дней.

— В этот момент Хосинис, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой, и я чуть бы не вынес «Стасис» из зала, но он в это время находился внутри.

— На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хосинис холодно спросил:

— Это правда, профессор?

расчеты, которые, в свою очередь, определяют, не слишком ли велики будут изменения в развитии при перемещении того или иного объекта во времени, и мы делаем все, чтобы даже не приближаться к этому предельно.

— Изначально, — начала бормотать мисс Феллоу.

— Нет, в этом отношении с ним все обстоит благополучно. Действительно находится в полной безопасности. Но... — Он бросил быстрый поглядывающий взгляд на ее сторону. Нет ничего. Вечера вы сказали мне, что Тимми необходимо общаться с друзьями.

— Да... мисс Феллоу радостно улыбнулась. — Я не думаю, что вы обратили внимание на мою просьбу.

— Но почему же? Я питаю к ребенку самые теплые чувства, и ценю также и моему отчуждению. Но мы при всем желании не можем обеспечить Тимми общество его сверстников.

— Не можете? — растерявшись, восклицнула мисс Феллоу.

— Не ведь я только что вам все объяснил. У нас не было бы ни малейшей надежды найти другого неадекватного его возраста, на такую неопытную задачу не приходится даже рассчитывать.

— Но вы мне неправильно поняли, доктор Хосинис, — отложил в сторону книгу, решительно сказала мисс Феллоу. — Я вовсе не хочу, чтобы вы перенесли в настоящее время еще одного неадекватного. Я знаю, что это невозможно. Но зато мне можно принести в «Стасис» какой-нибудь предмет, как вы играли с Тимми.

— Да... мисс Феллоу — Хосинис был потрясен.

— В другого ребенка, — отразила мисс Феллоу, чувствуя, как мгновенно все ее расположение к Хосинису сменилось враждебностью. — Тимми — неведомо!

— Мне это даже в голову не пришло.

— Почему? Почему вы не подумали именно об этом? Что в этом дурного? Вы вырвали ребенка из его эпохи, обрекли его на вечное заключение, так почему вы не чувствуете себя в долгу перед ним? Доктор Хосинис, если есть в этом мире человек, который по всем показателям, кроме биологического, может считаться отцом этого ребенка, то это вы. Почему же вы не хотите сделать для него такую малость?

— Я его отец? — спросил Хосинис, кан-то невольно поднявшись из-за стола. — Если вы признаете, мисс Феллоу, я провою вас обратно в больницу.

— Они молча возвратились в кулуарный домик. Никто из них не произнес больше ни слова.

...

Если не считать случайных, мимолетно брошенных взглядов, прошло много времени, пока она снова увидела Хосиниса. Но вот обитавшим много кулуарного домика совершенно неожиданно раздался его голос — он звал ее.

— Поправляя на ходу свою форменный халат, она не спеша вышла из дому и, внезапно сгруппировавшись, оббежала здание, увидев перед собой человека среднего роста. Благодаря светлым волосам и бледному цвету лица незнакомец казался очень хрупким. За ее спиной, крепко уцепившись за ее юбку, стоял круглолицый белоближайший мальчуган лет четырех.

— Дорогая, это мисс Феллоу, сестра, наблюдающая за мальчиком. Мисс Феллоу, как вы можете с ней поговорить.

— Она заставила себя непринужденно поздороваться.

— Добрый день, миссис Хосинис. Это ваш... ваш мальчик?

— Да, это мой сын Дирнер, — сказал Хосинис. — Дирнер, поздоровайся с мисс Феллоу.

— [Не поднернула ли он слегка слово «это»? Не хочешь ли дать ей понять, что это его сын, а не...]

Дирнер немедленно подался вперед, не расставаясь, однако, с материнской юбкой, и пробормотал приветствие. Миссис Хосинис явно пыталась заглянуть через плечо мисс Феллоу в комнату, где она ожидала найти там нечто весьма ее интересовавшее.

— Ну что же, зайдем в «Стасис», — сказал Хосинис. — Входи, дорога, на пороге тебе идет не столько неприятный, сколько приятный запах.

— Ты хочешь, чтобы Дирнер тоже вошел туда? — спросила мисс Феллоу.

— Конечно. Он будет играть с Тимми. Вы ведь говорите, что Тимми нужен товарищ для игр. Вы же быте, вы уже забыли об этом?

— Но... — В ее взгляде, брошенном на него, отразилось глубочайшее удивление. — Вы так мальчишески!

— А чей же еще? — раздраженно сказал он. — Разве не так вы добивались Идем, дорога. Входи.

С явным усилием подняв Дирнера на руки, миссис Хосинис переступила через пороги Дирнер за хиндиди, видимо, ему не понравилось испытываемое при входе в «Стасис» ощущение.

— Мисс Феллоу, вы так странно тонким голосом спрашивает миссис Хосинис. — Я не вижу его.

— Или сюда, Тимми! — позвала мисс Феллоу. Тимми выгнулся из-за двери, во все глаза уставившись на показавшего и ему в гости мальчика. Мускулы на руках миссис Хосинис заметно напряглись.

— Ты уверен, Дирнер, что он не опасен? Ты уверен, что ты не приведешь в виду Тимми, что он представляет никакой опасности, — тут же вмешалась мисс Феллоу. — Он спойноный и послушный мальчик.

— Но ведь он ди... диньар.

— Вот что он! Это результат все тех же газетных историй о мальчике-обезьяне.

— Он ведь не диньар, — с удивлением признала мисс Феллоу. — Он человек. Да, безусловно, именно в той степени, в какой это можно ожидать от пятилетнего ребенка. Очень великодушно

Мэнди Террис рыдала. — Просто не могу себе представить, как это произошло. Я отлучился всего лишь на одну минуту, чтобы взглянуть на тот маленький экран, который они установили в начале коридора. Только на одну минуту.

— Да, Тимми — глядя на нее меланхолическими глазами, спросила мисс Феллоу, не замечая сочувствия ее тонкого собеседника.

— Она destra протирала плачущему Джери руку дезинфицирующим средством, другая готовила шипящий чай в электрической самоварочке.

— Он укусил меня, мисс Феллоу? — задрожав от злости, крикнул Джери. — Он чихнул и я меня!

— Но мисс Феллоу даже не заметила его.

— Что вы сделали с Тимми? — крикнула она, махнув рукой в сторону кабинета.

Мэнди: — Я просто-напросто швырнула туда это маленькое чудовище и заперла его там.

Мисс Феллоу долго ринулась в купальную комнату. Она заперла замок у двери ванной, наизлоуп, угодив маленького урода, пока ей удалось наконец отпереть дверь и отыскать заблужденного в уютной ванночке.

— Не порите меня, мисс Феллоу, — прошептал он, зажав его покрывалом, губы дрожами. — Я не хотел сделать это.

— О Тимми, откуда ты взял, что я буду тебя порить? — Показывая ребенка на руки, она крепко прижала его к себе.

— Она сказала, что вы выпорете меня длинной веревкой. Она сказала, что вы будете меня бить, бить, бить... — взвизгнув отвратительно Тимми.

— Никто тебя не будет порить. С ее стороны очень дурно было сказать это. Но что случилось? Что случилось?

— Он назвал меня мальчишкой-обезьяной. Он сказал, что я не настоящий мальчик, что я животное.

Из глаз Тимми хлынули слезы.

— Он сказал, что вы будете больше играть с обезьяной. А я сказал, что я не обезьяна. Я не обезьяна! Потом он сказал, что я очень смешно выгляжу, что я убого безобразен. Он повторил это много раз, и я укусила его.

Теперь они плакали оба.

— Но ведь ты не знаешь, Тимми, что это неправда — вскрикивая, сказала мисс Феллоу — ты настоящий мальчик. Ты самый настоящий и самый хороший мальчик на свете. И никто, ни кто о никого тебя у меня не отнимет.

Теперь ей легко было решиться, она наконец знала, что делать. Но действительно нужно было быстро. Хоскинс не станет больше ждать, ведь пострадал его собственный ребенок.

Нет, это должно произойти ночью, с 6 до 7 и ночью, когда четыре пятых слушателей «Стэсиса» будут спать, а остальные пребывать во власти интеллектуального опьянения в связи с успешным претворением в жизнь прозета «Средневековья».

Когда она снова появилась в купальной комнате, Тимми еще не спал, и она изо всех сил старалась вести себя как обычно, чтобы не испугать его. Она поговорила с ним о его снах и выслушала его вопросы о Джери.

— Она отырнула чехол для и выпала из него палочку, шерстяную шпалку с наушниками и еще кое-что.

— Мисс Феллоу, почему вы одеваете на меня все эти вещи? — истерически спросил Тимми.

— Я хочу вывести тебя отсюда, Тимми. Мы отправимся в страну твоих снов, — ответила мисс Феллоу.

— Моих снов? — Его лицо зарделось радостью, но страх еще не полностью оставал его.

— Не бойся, ты будешь со мной. Ты не должен бояться, когда ты со мной, не так ли, Тимми?

— Конечно, мисс Феллоу! — Он принахл к ней своей бесформенной рукой, и обнял его, она ощутила под рукой бинение его маленького сердца.

Наступила полночь. Мисс Феллоу взяла ребенка на руки, выключила сигнализацию, осторожно отключила дверь.

— Из-за его гудки вырвался крик она очутилась лицом к лицу со стоявшим на пороге Хоскинсом!

С ним было еще двое, и, увидев ее, он был полон в не меньшей степени, чем она сама.

Мисс Феллоу пришла к себе на минуту до дюю секунды раньше, попыталась быстро проснуться, мигно него, но, несмотря на это выиграло во времени, успев опередить ее. Он грубо схватил ее и оттолкнул назад в глубины комнаты по направлению к шкафу. Затем он знаком приказал остальным войти в помещене и сам стал выходить, закрыв за собой дверь.

— Этого я не ожидал. Мы окончательно сошли с ума?

— Когда он толкнул ее, она успела повернуться так, что ударился о шкаф плечом и Тимми почти не ушибся.

— Не случится, если я возьму его с собой, тогда Хоскинс! — умоляюще произнесла она. — Нелучи потеря энергии для вас ваинне, чем человеческой.

Хоскинс решительно вырвал из ее рук Тимми, и под таким именем он бы фигурировала в описании этого события.

— Под таким именем он бы фигурировала в описании этого события.

Мисс Феллоу встала в тот размер, который она и увидела. Она означала бы, что все и каждому стало бы известна история чувствительной сестры, которая нанесла такой колоссальный ущерб во имя спасения мальчика-обезьяны.

— Мальчик а-а-а-а-а-а-а! — в бессильной попытке воскликнула мисс Феллоу.

Меню так один из пришедших с Хоскинсом мужчин начал протыгивать через отверстия в верхней части стены неплотный шнур. Мисс Феллоу восторженно шнур, висевший на кармунной стене камеры, где находился обложки камня профессора Адамсона, — стел шнур, за который дернул в свое время Хоскинс.

— Нет! — вскричала она.

Но Хоскинс спустил Тимми на пол и, осторожно не спуская с него пальца, сказал:

— Оставайся здесь, Тимми, с тобой ничего не случится. Мы только выйдем на минуту из комнаты. Хорошо?

Подобравшей и слышавшей дара речи Тимми, однако, начал в себе силы утвердительно кивать головой. Хоскинс вывел мисс Феллоу из купальной комнаты, держась на всякий случай позади нее. На какой-то миг мисс Феллоу утратила способность и сопротивление. Она тупо следила за тем, как укрепились снаружи концы шнура.

— Мне очень жаль, мисс Феллоу, — сказал Хоскинс, — и охотно извинил бы за это зрелище. Я намеревался сделать это ночью, чтобы вы узнали обо всем уже потом.

— Но почему же тогда ты пострадал ваш сын, который замучил несчастного ребенка до такой степени, что он уже не смог совладать с собой и поранил его?

— Поверьте мне, что дело не в этом. Мне познать на примина того, что здесь сегодня произошло, и я знаю, что во всем виноват Джери. Но эта история уже получила запись, да иначе не могло бы и быть при том количестве корреспондентов, которые собрались здесь в такой день. Я не могу пойти на риск и допустить, чтобы повторившись в печати поиние слухи о нашей небрежности и так называемых диних неадекватных уведомлениях значения успеха прозета «Средневековья». Так или иначе Тимми все равно должен скоро исчезнуть, так почему бы ему не исчезнуть сейчас, уведомив тем самым явля любителей сенсаций и сохранив то количество грязи, которое они постараются на нас вылить?

— Но ведь это не равнозначное отправление назад в прошлое, как вы считаете. Вы убьете человеческое существо.

— Это не убьет. Он ничего не почувствует, он просто опустит станет мальчишкой-неадекватцем и попадет в свою привычную среду. Он уже не будет ни мушкетером, обреченным на вечное заключение. Ему представится возможность жить свободной жизнью.

— Какая же это возможность? Ему всего лишь семь лет, и он привык, чтобы о нем заботились, чтобы его кормили, одежали, оберегали. Он будет одинок, ведь за эти четыре года его племля могло уйти из тех мест, где он его познакомил. А если даже оно еще там, ребенка никто не узнает, он должен будет сам себе заботиться, а ведь ему нигде было научиться этому.

Хоскинс беспомощно покачал головой.

— О господи, неужели вы считаете, мисс Феллоу, что мы не дурачим об этом? Разве вы не понимаете, что мы вывели из прошлого ребенка только потому, что это было первое человеческое или, точнее, полу-человеческое существо, которое нам удалось зафиксировать, и мы боллись отплатить за этого, так как не были уверены, что нам удастся столь же удачно повторить эту попытку? Как вы думаете, неужели бы мы держали здесь Тимми так долго, если бы не слышали безусловной возможности отослать его обратно в прошлое? Мы делаем это сейчас потому, — в его голове зазвучала реальность отчаяния, — что мы не в состоянии больше ждать. Тимми может послушать причинной компротометрической нас шумимы. Мы накоренил сейчас на пороге великих открытий, и мне очень жаль, мисс Феллоу, но мы не можем допустить, чтобы Тимми пошел на шаг. Не можем. Я очень сожалею, мисс Феллоу, но это так.

— Ну что же, — грустно произнесла мисс Феллоу, — Разрешите мне по крайней мере попрощаться с ним. Дайте мне пять минут, я не прошу ничего больше.

— Минте, — после неловкого колебания сказал Хоскинс.

Тимми кричал ей навстречу. В последний раз он побормотал к ней, и она в последний раз прижала его к себе.

Каково-то мгновение она молча сидела его в своих объятиях. Потом она ногой подвинула к стене стул и села.

— Не бойся, Тимми.

— Ты ничего не боишься, когда вы со мной, мисс Феллоу. Это человек очень сердит на меня, тот, что отвечает за дерзко?

— Нет, он просто нас с тобой не понимает... Тимми, ты знаешь, что такое мать?

Тимми откинул голову, чтобы увидеть ее лицо. Он медленно потринул руку и стал гладить ее по щеке и волосам, как давным-давно, в первый день его появления в «Стэсисе», она сама гладила его.

— Я знаю, что вас зовут мисс Феллоу, но иногда я про себя называю вас «мама». В этом нет ничего дурного?

— Нет, нет. Я никогда не пошину тебя, и с тобой ничего не случится. Я всегда буду с тобой, всегда буду заботиться о тебе. Скажи мне «мама», но так, чтобы я слышала.

— Мама, — удовлетворенно промолвил Тимми, прижавшись щекой к ее лицу.

Она подыалась и не выпуская его из рук, взобралась на стул. Она уже не слышала внезапно поднявшегося в дверь шума и крича. Свободной рукой она ухватилась за протыгнутый между двумя отверстиями в стене шнур и всей своей тяжестью повисла на нем.

«Стэсис» был прорван, и комната опустела.

Перевела с английского С. ВАСИЛЬЕВА.

УВАЖАЙТЕ ТРУД ПИСАТЕЛЯ!

ШУТКА

У нас будет довольно распространено мнение, будто труд писателя — легкий хлеб. Ничего подобного, — крестьянин или сапожник, служащий. Эти зарабатывают на жизнь честно, в поте лица. А писатель? Посаживает себе в кабинет, пописывает да тинит коньячок, а почтой пачками таскает ему деньги.

Писал я как-то рассказ, и мне понадобилось употребить слово «редко». Отсутствует его на машинке — шутка, но как на грех не могу вспомнить, как оно пишется: через «д» или через «т»? В редакции, куда я его собрался нести, я был человеком новым. Не начавшая же знакомства с орфографией!

Подбирал синонимы: «иногда», «время от времени», «иногда» (настоющему писателю приходится и к такой хитрости прибегать), — не додумается! Никак не мновать мне этого несчастного слова! Вручу первую попавшуюся книгу. Читайте. Невероятно! Читая четыре часа подряд, а слова «редко» нет и нет! Видно, автор основательно потрудился, чтобы его обойти.

В последний номерок газет и журналов «редко» тоже почему-то не встречается. Зато по радио в течение десяти минут его произносят по меньшей мере пять раз! Ирония судьбы! Вручу себя в руки и спокойно обдумываю создавшуюся ситуацию. Пойду к соседу. Как-никак, адвокат,

высшее образование! И дочь — старшеклассница.

Нет, определенно не берет! Адвокат в суде, дочка на коньках катается, а домработница не знает, как писать слово «редко».

Приняв во внимание артефактную память, на обрывке газеты пишу зловещее слово в обоих вариантах. Вглядываюсь долго и пристально. Как лучше? И так и эдак.

Звоноу в справочное. Телефонистка вежливо отвечает, что шутки, граничащие с хулиганством, не признает, особенно в рабочее время. Спрашивать коллег-писателей бесполезно. Даже если кто-нибудь и зна-

ет, все равно скажет наоборот. Из профессиональной зависти.

Изумленный и обескураженный, бросаюсь к словарю. Обнаруживаю лишь немецко-польский. Как будет «редко» по-немецки, не знаю. Снова берусь за чтение. На последней странице золотого тома находим наконец слово «редко». «И!»

Радость моя, правда, омрачена смутным воспоминанием о каких-то наименованиях в орфографии. А почему, впрочем, нет — пишу через «д»!

«Ит», с тем, кто осмелился утверждать, что у писателя легкий хлеб, я охотно поговорю с глазу на глаз!

Перевела с польского
Вера ПЕТРОВА.

Рисунок И. КЛЕШКО

Знамены в цирковом училище.
— А ТЕПЕРЬ СПОЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ...
Рисунок В. БЛАНКМАНА

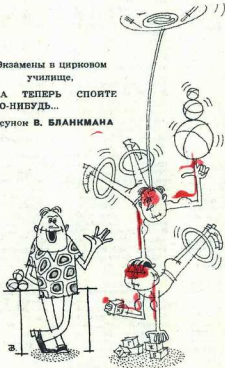

Рисунок В. БЛАНКМАНА

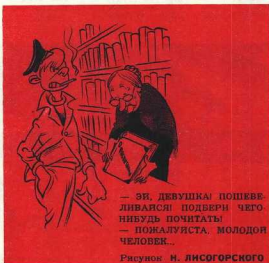

Рисунок М. ЛИСОГОРСКОГО

ВЕСНА! Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

На первой странице обложки работы «Ростсельмаша» Марса Кузьмина, общества типановального коллектива заводского Лисовского гуттера.
Фото Г. ДУБИНСКОГО

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, А-47, Буланый пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-85; отдел очерков и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50; фанкультуры и спорта — Д 3-30-87; писем — Д 3-30-47; пазлы и головоломки — Д 3-31-09; информация — Д 3-31-00; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, К. М. Замошкин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Кочетов, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], Е. И. Рабчинюк, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.
Технический редактор Н. Вудкина.

А 00377. Подписано и печатно 22/11 1964 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 763.
Заказ № 1138. Формат бумаги 70x108/4.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

В ЭТОМ ДОМЕ ЕСТЬ ВСЕ... ТАК ГОВОРЯТ РОСТОВЧАНЕ О ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ ЗАВОДА «РОСТСЕЛЬМАШ». ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ПОД КРЫШЕЙ ЭТОГО ЗДАНИЯ ЖИВЕТ МНОГОЧИСЛЕННАЯ СЕМЬЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ И ЗНАТУЗНА ИСКУССТВА. ТАНЦОРЫ, КИНОМАТОГРАФИСТЫ, ХУДОЖНИКИ, МУЗЫКАНТЫ И АРТИСТЫ ДРАМАТИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА — РАВНОПРАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ОГРОМНОГО СЕМЕЙСТВА. МОЖНО С УВЕРЕННОСТЬЮ СКАЗАТЬ, ЧТО МАСТЕРСТВО — ЭТО ИМЕННО ТО СЛОВО, КОТОРОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ МНОГОСТОРОННЮЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ «РОСТСЕЛЬМАША».

НЕДАВНО НА СЦЕНЕ КРЕМЛЕВСКОГО ТЕАТРА ПОКАЗЫВАЛА СВОЕ ИСКУССТВО БАЛЕТНАЯ ТРУПА ДВОРЦА. САМО ПО СЕБЕ ЭТО СОБЫТИЕ — НАРОДНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ОДНОЙ ИЗ ГЛАВНЫХ СЦЕН СТРАНЫ — ГОВОРИТ О МНОГОМ. ПОДТВЕРЖДАЕТ ЭТО И ЕДИНУДУШАЯ ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА МОСКОВСКИХ ЗРИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ВИДЕЛИ СПЕКТАКЛИ РОСТОВЧАН. А СОВСЕМ НЕДАВНО ДВУМ КОЛЛЕКТИВАМ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ — ТАНЦЕВАЛЬНОМУ И ДРАМАТИЧЕСКОМУ — ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ НАРОДНЫХ.

КОНЕЧНО, МНОГОЕ МОЖНО РАСКАЗАТЬ О ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ «РОСТСЕЛЬМАША», И ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЭТО БУДЕТ РАЗГОВОР ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ, О ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ, О СТРЕМЛЕНИИ К ВЫСОТАМ ИСКУССТВА ЛЮДЕЙ, ПРОФЕССИОНАЛЬНО С НИИ НЕ СВЯЗАННЫХ, И, В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ, О НЕОБХОДИМОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА НАШИХ ДНЕЙ.

А ПОКА ОБЪЕКТИВ НАШЕГО ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТА ЗАГЛЯНУЛ ТОЛЬКО В НЕКОТОРЫЕ КОМНАТЫ И ЗАЛЫ ДВОРЦА, ТО, ЧТО ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ «СМЕНЫ» УВИДЕЛ В ЭТИ МИНУТЫ, ПОКАЗАНО НА ФОТОГРАФИЯХ.

— Фото Г. ДУБИНСКОГО.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820